Информатор

Автор:
Джон Гришэм

Информатор

Джон Гришэм

Гришэм: лучшие детективы

Что ждет судью, нарушившего закон и справедливость ради больших денег? За расследование его деятельности возьмутся специалисты из КПДС – Комиссии по проверке действий судей.

Такие, как Лейси Штольц и ее напарник Хьюго Хэтч.

И однажды на связь с ними выходит таинственный информатор – чтобы предоставить доказательства преступлений судьи Клаудии Макдоувер. Судьи, которая уже два десятка лет связана с могущественной мафиозной группировкой…

Кто же этот загадочный информатор? Откуда ему столько известно? И понимает ли он, какой опасности подвергает не только себя, но и Лейси с Хьюго, бросая вызов продажным «блюстителям закона» и их безжалостным криминальным покровителям?..

Джон Гришэм

Информатор

© Belfry Holdings, Inc., 2016

© Перевод. А. Ю. Кабалкин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Джон Гришэм – обладатель уникального таланта. Только он умеет превратить рассказ о самых серьезных проблемах в захватывающую историю с погонями, опасностями и смертельным риском. Его герои – адвокаты, судьи, а еще самые разные нарушители закона и жертвы судебных ошибок – воспринимаются читателями как ближайшие знакомые, за которых переживаешь и к судьбе которых ощущаешь личную причастность. Может быть, именно поэтому книги Гришэма лидируют в списках бестселлеров, переведены на 40 языков, а их тираж превысил 375 миллионов экземпляров.

Гришэм все так же хорош. В его романе есть всё – и обаятельная главная героиня, и необычайно увлекательный сюжет, и события, развивающиеся с почти пугающей скоростью.

«New York Times»

Завораживающе увлекательный и необычайно убедительный роман. Джон Гришэм обнажает в «Информаторе» проблемы современного американского общества с необычайными талантом и силой!

«The Washington Post»

Глава 1

Спутниковое радио передавало мягкий джаз. Это был компромисс. Лейси, хозяйка «тойоты приус» и радиоприемника, терпеть не могла рэп, а Хьюго, ее пассажир, так же люто ненавидел современное кантри. Им не удалось достичь согласия ни по спортивным программам, ни по общедоступным радиоканалам, ни по «золотым» хитам, ни по взрослой комедии, ни по Би-би-си, не говоря о

фолк-блуграсс, «Си-эн-эн», опере, сотне других станций. Она отчаялась, он устал. Оба признали себя побежденными и сошлись на мягком джазе. Мягкий – чтобы не мешать долгому и глубокому сну Хьюго. Мягкий – потому что Лейси вообще-то не была любительницей джаза. Взаимная уступка, одна из многих, годами поддерживавших их тандем. Он спал, она вела машину, и оба были довольны.

До Большой рецессии Комиссия по проверке действий судей пользовалась небольшим парком принадлежавших штату белых четырехдверных «хонд» с маленьким пробегом. Но урезание бюджета поставило на них крест. Теперь Лейси, Хьюго и всем бесчисленным должностным лицам Флориды полагалось ездить по служебным делам на собственных машинах; компенсация за милю пробега составляла 50 центов. Хьюго, отец четверых детей, отягощенный неподъемной закладной, ездил на древнем «бронко», на котором едва дотягивал до офиса; для дальней дороги этот рыдван никак не подходил. Потому он сейчас и спал.

Лейси наслаждалась покоем. Большинство дел она разбирала самостоятельно, так поступали и ее коллеги. Урезание бюджета повлекло сокращение сотрудников: в КПДС удержалось всего шесть человек, ну, семь – и это на весь штат с 20 миллионами жителей, с тысячью судей и шестьюстами судами, разбиравшими в год по полмиллиона дел. Лейси благодарила судьбу за то, что почти все судьи штата были честными и работящими приверженцами принципов законности и равенства. Но даже те немногие, кто грешил продажностью, обеспечивали ей 50-часовую рабочую неделю.

Она тронула рычаг сигнала поворотника, свернула с трассы и стала притормаживать. Как только машина остановилась, с Хьюго как рукой сняло сон: можно было подумать, что он ни на секунду не переставал бодрствовать.

– Где мы? – спросил он.

– Почти на месте. Осталось двадцать минут. Как раз успеешь перевернуться на правый бок и похрапеть в окно.

– Извини. Я храпел?

– Ты всегда храпишь, если верить твоей жене.

– В свое оправдание скажу, что в три утра я еще не спал, потому что укачивал ее последнее произведение. Кажется, это девочка. Не подскажешь, как ее зовут?

– Жену или дочку?

– Очень смешно!

Очаровательная и вечно беременная Верна знала о своем муже все и почти ничего не утаивала. Ее призванием было сбивать с него спесь – задачка не из легких. В прошлой жизни, в средней школе, Хьюго был футбольной звездой, потом высоко котировался в команде «Флорида Стейт», где сразу обошел всех остальных игроков. Три с половиной игры он не жалел себя, восхищая болельщиков, пока его не унесли на носилках со сплющенным шейным позвонком. Он поклялся, что вернется на поле, но его мать твердо сказала «нет». Хьюго с почетным дипломом закончил школу и поступил на юридический факультет. Былая слава быстро меркла, что не мешало ему, члену символической сборной США, гордо задирать нос. Слаб человек!

– Двадцать минут, говоришь? – буркнул он.

– Хочешь дольше? Могу оставить тебя в машине, не глуша мотор, – весь день продрыхнешь!

Хьюго повернулся на правый бок, закрыл глаза и сказал:

– Хочу нового напарника.

– Здравая мысль, но есть проблема: на такого, как ты, больше никто не согласится.

– Нового, и чтобы машина побольше.

– Зато этот «гибрид» пробегает пятьдесят миль на одном галлоне.

Хьюго еще поворчал и затих – но ненадолго. После нового приступа возни в кресле и нечленораздельного мычания он сел прямо, протер глаза и спросил:

– Что это мы слушаем?

– Этот разговор был у нас давным-давно, еще на выезде из Таллахасси, прежде чем ты впал в спячку.

– Помнится, я вызывался сесть за руль.

– Ну да, с одним открытым глазом. Благодарю покорно. Как Пиппин?

– Та еще плакса! Обычно, как учит меня обширный опыт, у плача новорожденного есть причина: хочет есть, пить, сменить пеленки, на ручки к маме – мало ли чего… Но эта не такая, эта вопит просто так, ради чистого удовольствия. Ты не знаешь, чего лишаешься!

– Вспомни, мне уже дважды предоставлялась честь укачивать Пиппин.

– Помню. Благослови тебя Бог! Как насчет сегодняшнего вечера?

– Только свистни. Она у вас уже четвертая. Вы что, противники предохранения?

– Начинаются мои любимые разговорчики! Раз мы этого коснулись, как с половой жизнью у тебя самой?

– Извиняюсь. Мой прокол. – Лейси исполнилось 36 лет, она была очень привлекательна, и о ее личной жизни с любопытством шептался весь офис.

Они ехали на восток, к Атлантическому океану. До Сент-Огастина оставалось восемь миль. Лейси выключила радио.

– Ты здесь уже бывала? – поинтересовался Хьюго.

– Было дело, пару лет назад. Провели с приятелем недельку у друга в кондоминиуме.

– Сплошной секс?

– Опять ты за свое! У тебя что, все мысли ниже пояса?

– Ну, если подумать, то придется дать утвердительный ответ. Войди в мое положение: Пиппин только месяц, а это значит, что у нас с Верной уже месяца три не было нормальных отношений. Есть подозрение, что она отказала мне на несколько недель раньше положенного срока, хотя это спорный вопрос. Как ни велико желание вернуться назад и наверстать, никак не выходит… Так что в моем углу ринга царят сумятица и смятение; не уверен, что с ней происходит то же самое. Три малыша и новорожденный младенец плохо совмещаются с интимом.

– Все это неведомые мне материи.

Милю-другую Хьюго пытался смотреть на дорогу, но потом веки отяжелели, и он снова стал клевать носом. Лейси покосилась на него и улыбнулась. За девять лет службы в Комиссии у них с Хьюго набралась дюжина совместных дел. У них получалось работать рука об руку, они друг другу доверяли, и оба знали, что о любой его попытке взбрыкнуть – пока что таковых не отмечалось – будет немедленно доложено Верне. С Хьюго Лейси работала, а с Верной сплетничала и совершала покупки.

Сент-Огастин считался старейшим городом Америки: это здесь высадился и начал исследовать новый материк Понсе де Леон. Город с богатой историей, излюбленный туристами, был усеян историческими зданиями и древними дубами, заросшими бородатым мхом. Уже на подъезде к нему движение замедлилось из-за тормозивших перед достопримечательностями туристических автобусов. Впереди, по правую руку, над городом возвышался кафедральный собор. В памяти Лейси все это было очень свежо. Неделя со старым другом получилась катастрофической, хотя сам Сент-Огастин вспоминался с теплым чув- ством.

Вместе с катастрофой – одной из многих.

– Кто этот загадочный анонимный источник, с которым у нас здесь встреча? – спросил Хьюго, еще раз протирая глаза. Он больше не собирался засыпать.

– Пока не знаю. Откликается на «Рэнди».

– Не напомнишь, зачем нам понадобилась тайная встреча с человеком, скрывающимся за кличкой и еще не подававшим официальной жалобы на кого-то из самых наших уважаемых судей?

– Не могу объяснить. Просто я три раза беседовала с ним по телефону, и он показался довольно серьезным малым.

– Отлично! Когда ты в последний раз говорила со стороной истца, не показавшейся воплощением серьезности?

– Доверься мне, ладно? Майкл велел ехать, мы и поехали. – Майклом звали директора КПДС, их босса.

– Ну, конечно. Что там за предполагаемое неэтичное поведение?

– По словам Рэнди, это что-то крупное.

– Никогда о таком не слыхал!

Они свернули на Кинг-стрит и поползли с черепашьей скоростью в сторону центра. Была середина июля, все еще высокий сезон на севере Флориды. Туристы в шортах и сандалиях бродили по тротуарам без видимой цели. Лейси припарковалась на боковой улице, и они влились в толпу. Засев в кафе, они убили полчаса на листание глянцевых брошюр агентств недвижимости. В полдень, как им было сказано, они нашли ресторан-гриль «Лука» и попросили столик для троих. Заказав чай со льдом, они стали ждать. Прошло полчаса, Рэнди не появлялся, и они заказали сандвичи плюс жареную картошку для Хьюго и фрукты для Лейси. Ели они так неторопливо, как только могли, и не сводили глаз с двери.

Как юристы они высоко ценили время, но как расследователи научились терпению. Эти две роли часто вступали в конфликт.

В два часа дня они сдались и вернулись к машине, раскалившейся хуже сауны. Стоило Лейси повернуть ключ зажигания, как ожил ее мобильный. Звонили с неизвестного номера. Она схватила телефон.

– Да?

– Я просил вас приехать одной, – сказал мужской голос. Это был Рэнди.

– Что ж, вы вправе недоумевать. Мы как будто должны были встретиться в полдень, для ленча?

Пауза, потом голос ответил:

– Жду вас на городской пристани для яхт, это в конце Кинг-стрит, в трех кварталах. Пусть ваш знакомый где-нибудь погуляет, а мы поболтаем.

– Послушайте, Рэнди, я не коп и не сильна в разных шпионских штучках. Мы встретимся, поздороваемся и все такое, но если я через минуту не услышу вашего настоящего имени, то уйду.

– Логично.

Лейси нажала на отбой и пробормотала:

– Логично…

У пристани для яхт кишели прогулочные суденышки, отплывали и швартовались рыбаки. На длинном понтоне шумела толпа туристов. Ресторанчик с открытой верандой над водой делал тройную выручку. Экипажи арендных яхт драили палубы и наводили блеск для завтрашних клиентов.

Лейси шла по центральному пирсу, высматривая человека, которого никогда прежде не встречала. Впереди, рядом с бензопомпой, стоял стареющий пляжный завсегдатай. Увидев ее, он неуверенно помахал рукой и кивнул. Лейси тоже кивнула и не стала замедлять шаг. Ему было лет шестьдесят, на обильную седую шевелюру была нахлобучена панама. Шорты, сандалии, кричащая рубаха в цветочек, типичный бронзовый загар, затвердевшая морщинистая кожа человека, злоупотребляющего солнцем. Авиаторские темные очки. Улыбаясь, он шагнул ней навстречу.

– Вы, наверное, Лейси Штольц.

Она ответила на его рукопожатие.

– Да, это мое имя. А ваше?

– Меня зовут Рэмси Микс. Рад познакомиться.

– Я тоже. Мы договаривались встретиться в полдень.

– Прошу прощения, нелады со шлюпкой. – Микс указал на большую моторную яхту, покачивавшуюся на краю пирса, – не самую длинную в гавани, но все равно впечатляющую. – Может, перейдем на нее, там и поговорим?

– На борту?

– Ну да. Там можно будет пообщаться с глазу на глаз.

Уединиться на яхте с совершенно незнакомым человеком? Это показалось ей неважной идеей, и Лейси заколебалась. Не дожидаясь ее ответа, Микс спросил:

– Кто тот чернокожий парень? – Он смотрел в сторону Кинг-стрит. Оглянувшись, Лейси увидела Хьюго, прикинувшегося членом шествовавшей к причалам группы туристов.

– Мой коллега, – ответила она.

– Вроде телохранителя?

– Мне телохранитель ни к чему, мистер Микс. Мы не вооружены, хотя мой друг может за пару секунд макнуть вас в воду.

– Будем надеться, что этого не понадобится. Я пришел с миром.

– Рада это слышать. Я согласна на яхту, только если она не снимется с якоря. Запустите мотор – нашей встрече конец.

– Логично.

Лейси прошла следом за ним по пирсу, мимо парусных яхт, месяцами, судя по их виду, не выходивших в море. Его яхта была без лишних затей наречена «Конспиратором». Микс перешел на борт и подал ей руку. На палубе, под брезентовым козырьком, стоял деревянный столик и четыре складных стула.

– Добро пожаловать! – сказал он, указывая туда. – Присаживайтесь.

Лейси первым делом огляделась и, оставшись стоять, спросила:

– Мы одни?

– Вообще-то не совсем. Здесь моя подруга, ее зовут Карлита. Хотите, познакомлю?

– Только если она имеет значение для вашей ис- тории.

– Не имеет. – Микс смотрел на причал, на Хьюго, опершегося об ограду и махавшего им рукой, словно хотевшего сказать: «Я все вижу». Помахав ему в ответ, Микс спросил: – Можно задать вам вопрос?

– Задавайте, – разрешила Лейси.

– Верно ли будет предположить, что сказанное мною вам будет немедленно передано мистеру Хэтчу?

– Он мой коллега. Мы вместе работаем над некоторыми делами, может, этим тоже займемся вдвоем. Откуда вы знаете его фамилию?

– Представьте, у меня есть компьютер. Я заходил на ваш сайт. Комиссии стоило бы его обновить.

– Знаю. Бюджет не позволяет.

– Фамилия звучит смутно знакомой…

– Он какое-то время блистал в футбольной команде «Флорида Стейт».

– Может, поэтому. Хотя сам я болельщик «Гейтор».

Эти слова Лейси не стала комментировать. Ее раздражала типичная для южан склонность фанатично болеть за команды колледжей.

– Итак, от него ничего не укроется? – напомнил Микс свой вопрос.

– Ничего.

– Ну, так зовите его сюда. Вам обоим пора освежиться.

Глава 2

Карлита принесла деревянный поднос с напитками: диетическую содовую для Лейси и Хьюго, бутылочку пива для Микса. Она была симпатичной латиноамериканкой лет на двадцать моложе его и, похоже, радовалась гостям на борту, особенно женщине.

Лейси чиркнула в своем блокноте и начала:

– Маленький вопрос. Номер, с которого вы звонили пятнадцать минут назад, не совпадает с тем, что был на прошлой неделе.

– Какой же это вопрос?

– Не важно.

– Ладно. У меня много временных телефонов с предоплатой трафика. И я все время перемещаюсь. Надо полагать, ваш номер, который у меня сохранен, предоставлен вашим офисом?

– Так и есть. Мы не пользуемся для служебных надобностей личными телефонами. Так что мой номер вряд ли поменяется.

– Хорошо, так будет проще. Мои меняются каждый месяц, а бывает, и раз в неделю.

Сказанное Миксом в первые пять минут только порождало новые вопросы. Лейси еще не отошла от раздражения из-за того, что он не пришел на ленч. Первое впечатление от него было неважным.

– Значит, так, мистер Микс, – заговорила она. – Мы с Хьюго молчим и слушаем вас. Выкладывайте свою историю. Если в ней будут дыры, которые заставят нас слепо шарить и спотыкаться в темноте, то нам станет скучно, и мы уедем домой. По телефону вы говорили уклончиво и заманили меня сюда. Говорите, хватит вилять.

Микс с улыбкой посмотрел на Хьюго и поинтересовался:

– Она всегда такая прямая?

Хьюго улыбаться не стал, только мрачно кивнул и, сложив руки на столе, изобразил ожидание. Лейси положила ручку.

Микс отпил пива и начал:

– Я тридцать лет занимался юридическим бизнесом в Пенсаколе. Маленькая фирма, не больше пяти-шести юристов. В те времена мы будь здоров как вкалывали и процветали. Один из моих первых клиентов был девелопером, крупным дельцом: строил кондоминиумы, разные филиалы, отели, торговые стрип-моллы – обычные для Флориды объекты, вырастающие там и сям как по щелчку пальцев. Я ему не доверял, но он зашибал такую деньгу, что я сдался и заглотнул наживку. Он втягивал меня во всевозможные сделки, кусочек здесь, кусочек там. Поначалу все шло гладко. Я уже размечтался, что разбогатею, а от этого – по крайней мере, во Флориде – рукой подать до беды. Мой друг фальсифицировал бухгалтерские данные и залезал в долги, но я ничего этого не знал. Пошли, как потом оказалось, фиктивные займы и вообще сплошной обман. Вмешалось ФБР, пустило в ход свои кассетные бомбы с начинкой из RICO[1 - Закон 1970 г. «О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных

организациях». – Здесь и далее примеч. пер.] и предъявило обвинения половине Пенсаколы, включая меня. Погорела куча народу – девелоперы, банкиры, риелторы, юристы и прочие темные дельцы. Вы, наверное, не в курсе, потому что занимаетесь судьями, а не адвокатами. В общем, я сдрейфил и распелся, как мальчишка в хоре, получил в награду досудебную сделку, признал один случай почтового мошенничества и оттрубил год и четыре месяца в федеральном исправительном учреждении. Лишился лицензии, нажил кучу врагов. Теперь залег, головы не поднимаю. Запросил и добился восстановления лицензии. Сейчас у меня завелся один клиент – тот самый, о котором у нас с вами пойдет речь. Вопросы? – Микс взял с пустого стула папку без пометок на обложке и протянул Лейси. – Можете полюбопытствовать, здесь вся моя подноготная: газетные статьи, сделка о признании моей вины, все, что вам понадобится. Перед законом я чист – в той степени, в какой это можно сказать о бывшем заключенном. Каждое мое слово – чистая правда.

– Какой ваш нынешний адрес? – спросил Хьюго.

– В Миртл-Бич живет мой брат, для официальных целей я пользуюсь его адресом. У Карлиты дом в Тампе, почта приходит туда. А на самом деле я обитаю здесь, на яхте. С телефонами, факсом, Интернетом, душем, холодным пивом и хорошенькой женщиной. Я счастливый человек. Плаваем себе вокруг Флориды, на острова Кис, на Багамы. На пенсии живется неплохо, спасибо Дядюшке Сэму.

– Зачем вы взяли клиента? – спросила Лейси, не заглядывая в папку.

– Это друг старого друга, знающего мое темное прошлое и считающего, что за кругленькую сумму я обязательно продамся. Он не ошибся: другу удалось уговорить меня взяться за это дело. Имя клиента не спрашивайте: оно мне неизвестно. Между ним и мной посредничает мой друг.

– Вы не знаете имени своего клиента? – не поверила Лейси.

– Не знаю и знать не хочу.

– Нам следует поинтересоваться, почему, или молча согласиться? – спросил Хьюго.

– Дыра номер один, мистер Микс, – заметила Лейси. – Мы в дыры не суемся. Либо вы все выкладываете, либо мы уходим, ничего не забрав с собой.

– Не торопитесь, – попросил Микс, прихлебывая пиво. – Это длинная история, на нее потребуется время. Тут замешана уйма денег, умопомрачительная коррупция и плохие-преплохие парни, которые глазом не моргнут, чтобы всадить пулю-две в лоб мне, вам, моему клиенту и любому, кто задает слишком много вопросов.

Повисла долгая пауза. Лейси и Хьюго переваривали услышанное. Наконец Лейси спросила:

– Тогда почему вы в игре?

– Ради денег. Мой клиент собрался вчинить иск согласно флоридскому Статусу о гражданских инициативах. Мечтает огрести миллионы. Мне тоже перепадет. Если все пойдет хорошо, то мне больше не понадобятся клиенты.

– Тогда он, наверное, государственный служащий, – предположила Лейси.

– Я знаю закон, мисс Штольц. У вас ответственная работа, у меня нет. У меня есть время рыться в параграфах законов и в прецедентном праве. Да, работодатель моего клиента – штат Флорида. Нет, раскрыть его личность нельзя, по крайней мере, сейчас. Возможно, потом, с деньгами на столе, мы сумеем уговорить судью соблюсти конфиденциальность. Для начала скажем так: мой клиент слишком напуган, чтобы подать вам в Комиссию официальную исковую жалобу.

– Мы не можем принять дело без подписанной, оформленной по всем правилам жалобы, – возразила Лейси. – Сами знаете, как четко все это прописано.

– Мне ли не знать! Исковую жалобу подпишу я.

– Под присягой? – спросил Хьюго.

– Да, если понадобится. Я верю в правдивость своего клиента и добровольно подписываюсь собственным именем.

– Вам не страшно?

– Я долго жил в страхе. Наверное, я к этому привык, хотя теперь все может обернуться гораздо хуже. – Микс потянулся за другой папкой, вынул из нее несколько страниц и положил на стол. – Полгода назад, – продолжил он, – я обратился в суд в Миртл-Бич, чтобы сменить имя и фамилию. Теперь я Грег Майерс, так и подпишусь под иском.

Лейси пробежала глазами распоряжение суда из Южной Каролины и в первый раз засомневалась, правильно ли они поступили, приехав в Сент-Огастин для встречи с этим человеком. Перепуганный служащий штата, боящийся назвать себя. Оступившийся и исправившийся юрист, которого страх погнал в суд другого штата для смены имени. Бывший заключенный без нормального почтового адреса.

Хьюго тоже прочел распоряжение суда и впервые за долгие годы пожалел, что не носит оружия.

– В данный момент вы считаете, что находитесь в бегах?

– Назовем это осторожностью, мистер Хэтч. Я опытный мореход, я разбираюсь в морях и океанах, в течениях, рифах и отмелях, в укромных пляжах и тайных убежищах гораздо лучше, чем любой, кто станет меня искать – если кто-то действительно этим займется.

– Звучит так, будто вы и впрямь в бегах, – заключила Лейси.

Майерс закивал, словно в знак согласия. Все трое пригубили свои напитки. Поднялся ветер, стало не так влажно. Лейси пролистала тонкую папку.

– Еще вопрос. Ваши трудности с законом как-то связаны с судейским должностным преступлением, которое вы хотите обсудить?

Кивки прекратились. Майерс обдумал вопрос и ответил:

– Нет.

– Вернемся к вашему загадочному клиенту, – предложил Хьюго. – У вас есть с ним прямой контакт?

– Никакого. Он отказывается пользоваться электронной и обыкновенной почтой, факсом, телефонной связью, которую можно отследить. Он говорит только с посредником, посредник навещает меня лично или звонит по одноразовому номеру. Это неудобно, пожирает массу времени, но зато безопасно. Ничего не остается: ни следов, ни записей.

– Если бы он вам понадобился прямо сейчас, как бы вы его нашли?

– Такого еще ни разу не бывало. Наверное, позвонил бы посреднику и подождал час или около того.

– Где живет клиент?

– Точно не знаю. Где-то на флоридском «отростке»[2 - «Отростком», или «ручкой сковороды», называется длинный узкий участок территории штата, расположенный между двумя другими штатами либо между штатом и побережьем. В США такими «отростками» обладают штаты Аляска, Западная Виргиния, Оклахома, Техас и Флорида.].

Лейси глубоко вздохнула, переглянулась с Хьюго и осведомилась:

– Так что там у вас за история?

Майерс уставился вдаль, за мачты. Там разводили мост, чтобы пропустить выстроившиеся в очередь яхты, и это зрелище его, казалось, заворожило. Наконец он проговорил:

– В этой истории много глав, некоторые все еще пишутся. Цель этой встречи – рассказать ровно столько, чтобы вас заинтересовать, но при этом и предостеречь, чтобы вы при желании смогли дать задний ход. Сейчас вопрос звучит так: вы хотите в это соваться?

– Речь идет о судебном должностном преступлении? – спросила Лейси.

– Определение «должностное преступление» было бы здесь огромным преуменьшением. Мне известно о коррупции, превосходящей все, что вскрывалось в этой стране раньше. Видите ли, мисс Штольц, мистер Хэтч, я провел шестнадцать месяцев в тюрьме не совсем зря. Я заведовал тюремной библиотекой и не поднимал носа из книг. Я изучил все до единого дела о коррупции судей, когда-либо расследовавшиеся во всех пятидесяти штатах. Проделан огромный труд: дела, записи, что хотите. Я – ходячая энциклопедия, другого такого всезнайку не найти, обращайтесь, если что. История, которую я намерен вам поведать, содержит больше грязных денег, чем все остальные вместе взятые. Ну и, конечно, подкуп, вымогательство, запугивание, поддельные судебные процессы, минимум два убийства и один противоправный обвинительный приговор. Всего в часе езды отсюда гниет в камере смертников осужденный, которого подставили. Настоящий преступник сейчас, вероятно, нежится на яхте, которой моя и в подметки не годится.

Майерс сделал паузу, еще раз приложился к бутылке с пивом и самодовольно ухмыльнулся, радуясь, что полностью завладел их вниманием.

– Повторяю вопрос: вы хотите в это лезть? Опасное занятие!

– Почему мы? – спросил Хьюго. – Почему вы не обращаетесь в ФБР?

– У меня есть опыт общения с ФБР, мистер Хэтч, – прямо скажем, очень неважный. Я не доверяю никаким носителям блях, особенно в этом штате.

– Повторяю, мистер Майерс, – произнесла Лейси, – мы не пользуемся оружием. Мы не расследуем уголовные преступления. Если послушать вас, здесь есть где развернуться сразу нескольким федеральным агентствам.

– Зато в вашей власти вызывать людей в суд, – сказал Майерс. – Вы наделены правом добиваться повесток. Вы вправе требовать от любого судьи штата предоставления любых документов, имеющихся в его распоряжении. У вас серьезная власть, мисс Штольц. А это значит, что вы можете расследовать и преступную деятельность.

– Мочь-то можем, – согласился Хьюго, – но для борьбы с гангстерами мы слабоваты. Если ваша история правдива, то у этих преступников высокая степень организации.

– Слыхали о «мафии каракатиц»? – спросил Майерс, оторвавшись от бутылки после большого глотка.

– Нет, не приходилось, – ответил Хьюго. Лейси отрицательно покачала головой.

– Ну, это другая, тоже долгая история. Вы правы, мистер Хэтч, банда отлично организована. Она давно занимается преступной деятельностью, не имеющей касательства к вам, так как в ней не задействован судейский корпус. Но для одной сделки им пришлось купить судью. А это уже ваша епархия.

«Конспиратор» покачнулся на волне, поднятой проплывавшим мимо старым креветочным баркасом, и все трое ненадолго умолкли.

– Что, если мы откажемся? – снова заговорила Лейси. – Что тогда?

– Если я подам исковую жалобу по всем правилам, то вам не придется с ней разбираться, не так ли?

– Теоретически – да. Как вам наверняка известно, нам дается сорок пять дней на определение судебной перспективы иска. Затем мы ставим в известность ответчика, судью, и портим ему жизнь. Но игнорировать жалобы мы тоже большие умельцы.

– О, да! – подхватил с улыбкой Хьюго. – Мы бюрократы хоть куда. Способны замотать и самое роскошное дело!

– Это не замотаете, – заверил Майерс. – Больно крупное.

– Раз оно такое крупное, то почему до сих пор не раскрыто? – осведомилась Лейси.

– Потому что оно продолжает разворачиваться. Потому что время было неподходящее. Потому что… По уйме причин, мисс Штольц, но прежде всего потому, что до сих пор никто из посвященных не осмеливался подать голос. Теперь такой смельчак нашелся – я. Все сводится к простому вопросу: желает ли Комиссия по проверке действий судей расследовать действия самого коррумпированного судьи за всю историю американского судопроизводства?

– Он один из наших? – уточнила Лейси.

– Совершенно верно.

– Когда мы получим его имя? – спросил Хьюго.

– Вы считаете, что угадали пол?

– Угадывание – не наш метод.

– Уже хорошее начало.

Прохладный ветерок стих, вентилятор над их головами стал без пользы перемешивать липкий воздух. Майерс последним спохватился, что гости взмокли от пота, вспомнил, что он здесь хозяин, и пред- ложил:

– Прогуляемся вон до того ресторанчика и что-нибудь выпьем. Там есть бар с богатым выбором.

Он постоянно теребил потертую курьерскую сумку из оливковой кожи – прирос он к ней, что ли? Лейси гадала, что лежит внутри: маленький пистолет? Наличность? Фальшивый паспорт? Или еще одна папочка?

На пирсе Лейси спросила у Майерса:

– Это одно из ваших любимых местечек?

– Думаете, я стану отвечать? – фыркнул он, и Лейси пожалела, что открыла рот. Она имела дело с человеком-невидимкой, спасающимся от плахи, а не с бездельником, мотающимся из одного порта в другой. Хьюго покачал головой, а Лейси обругала себя последними словами.

В ресторане было пусто, и они выбрали столик внутри, с видом на гавань. После часа на жаре здесь показалось прохладно, даже захотелось поежиться. Расследователи заказали чай со льдом, Майерс – кофе. Они находились здесь

одни, подслушать было некому.

– Что, если это дело не вызовет у нас интереса? – спросил Хьюго.

– Тогда мне придется перейти к плану Б. Честно говоря, не хотелось бы. Этот план подразумевает участие прессы, парочки знакомых репортеров – не слишком надежных. Один из Мобила, другой из Майами. Буду откровенен: они быстро дадут задний ход.

– Почему вы так уверены, что мы не сдрейфим, мистер Майерс? – поинтересовалась Лейси. – Вы слышали: мы не привыкли воевать с гангстерами. У нас и без них работы по горло.

– Нисколько не сомневаюсь. В плохих судьях нет недостатка.

– На самом деле их не так много, всего лишь горстка. Рассерженные истцы – вот кто не дает нам передохнуть. Куча жалоб, немногие из которых выдерживают проверку на объективность.

– Понятно. – Майерс медленно снял и положил на стол темные очки. Глаза у него были красные, опухшие, как у пьяницы, вокруг них белели круги; напрашивалось сравнение с енотом, только наоборот. Очевидно, он редко снимал очки. Майерс огляделся, будто желая лишний раз убедиться в отсутствии в ресторане людей, представляющих для него опасность, и вроде бы приободрился.

– Что там насчет «мафии каракатиц»? – напомнил Хьюго.

Майерс довольно закряхтел, словно ему не терпелось поведать что-то интересное.

– Хотите послушать?

– Вы сами об этом упомянули.

– И то верно… – Официантка принесла всем троим напитки и ушла. Майерс сделал глоток и начал: – Началось все лет пятьдесят назад. Собралась шайка лихих ребят, орудовавшая в Арканзасе, Миссисипи, Луизиане – всюду, где

появлялась возможность подкупить шерифа. Нелегальная торговля выпивкой, проституция, азартные игры – старомодные делишки, но все очень серьезно, трупов хватало. Подберут «мокрый» округ, где разрешалась торговля спиртным, поближе к «баптистской пустыне», предпочтительно на границе штатов, и давай орудовать. Местным это рано или поздно надоедало, они выбирали нового шерифа, и мошенникам приходилось переезжать. Наконец они осели на побережье штата Миссисипи, вокруг Билокси и Галфпорта. Те, кто избежал пули, садился в тюрьму. К началу восьмидесятых от первоначального состава банды почти никого не осталось, но эстафету подхватило молодое поколение. Когда в Билокси легализовали азартные игры, это пробило в их бюджете изрядную дыру. Пришлось перебираться во Флориду. Здесь они распробовали подложные сделки с продажей земельных участков и вошли во вкус кокаиновой торговли – вот это доход так доход! Заколотили деньгу, перестроились и превратились в структуру, известную как «береговая мафия».

Хьюго покрутил головой:

– Я вырос в Северной Флориде, учился здесь в колледже и на юридическом факультете. Всю жизнь тут прожил, последние десять лет расследую случаи коррупции в судейском корпусе – и ни разу не слышал ни о какой «береговой мафии».

– Они избегают рекламы, их имена никогда не попадают в газеты. Сомневаюсь, чтобы за последние десять лет кого-то из них арестовывали. Это небольшая сеть, замкнутая и дисциплинированная. Подозреваю, что большинство из них связывает кровное родство. Рано или поздно в их ряды все равно затесался бы чужак, дело лопнуло бы и все угодили за решетку – если бы не один человек. Пока я буду называть его Омаром. Очень скверный субъект, но хитер – это у него не отнимешь. В середине восьмидесятых Омар перетащил свою банду на юг Флориды, где в то время как раз произошел настоящий взрыв кокаиновой торговли. Несколько лет они как сыр в масле катались, но потом перешли дорогу колумбийцам – и все рухнуло. В Омара стреляли, в его братца тоже, вот только братец не выжил. Его тело так и не нашли. Они сбежали из Майами, но остались во Флориде. Омар – блестящий криминальный ум. Лет двадцать назад он загорелся идеей построить казино на землях индейцев.

– Почему-то я не удивлена… – пробормотала Лейси.

– И правильно. Как вам, наверное, известно, сейчас во Флориде девять «индейских» казино, семь из которых принадлежат семинолам – самому большому племени, причем только одно из трех признается федеральным правительством. Вместе казино семинолов приносят четыре миллиарда долларов в год. Омар и его ребята не устояли перед соб- лазном.

– Как я погляжу, в вашем сюжете участвует организованная преступность, индейцы – владельцы казино и продажный судья, все в одном флаконе?

– Что-то в этом роде.

– Штука в том, что индейцы принадлежат к юрисдикции ФБР, – заметил Хьюго.

– Вот только ФБР никогда не проявляло энтузиазма по части отлова злоумышляющих индейцев. И потом, мистер Хэтч – внимание, я не зря повторяюсь, – с ФБР я дел не имею. Они не располагают фактами, а я располагаю, и я говорю с вами.

– Когда мы получим полную информацию? – спросила Лейси.

– Как только Гейсмар, ваш босс, включит зеленый свет. Поговорите с ним, перескажите услышанное от меня, постарайтесь, чтобы он понял, насколько все это опасно. Пусть сам заверит меня по телефону, что Комиссия по проверке действий судей серьезно отнесется к моей официальной жалобе и проведет полноценное расследование. Тогда я заполню столько бланков, сколько потребуется, – только подкладывайте!

Хьюго, барабаня пальцами по столу, думал о своей семье. Лейси, провожая глазами еще один рыбацкий катер, размышляла о возможной реакции Гейсмара. Майерс, наблюдая за обоими, не мог их не пожалеть.

Глава 3

Комиссия по проверке действий судей Флориды занимала половину третьего этажа в четырехэтажном здании, принадлежавшем штату, в центре Таллахасси,

в двух кварталах от местного Капитолия. Все здесь – от ветхого ковра до узких тюремных окошек, каким-то образом отражавших почти весь солнечный свет, от потемневших после десятилетий воздействия сигаретного дыма квадратных панелей потолка до заслонивших все стены полок, грозивших обвалиться от тяжести папок разной степени ненужности и забвения, – вопило о нехватке средств, как и о том, что работа этого учреждения вовсе не является приоритетной в глазах губернатора и законодателей штата. Раз в год, в январе, бессменному директору КПДС Майклу Гейсмару приходилось плестись в Капитолий и там с протянутой рукой наблюдать, как всевозможные комитеты кромсают бюджетный пирог. От просителя ждали пресмыкательства. Вечно он клянчил хотя бы небольшой прибавки и неизменно получал меньше, чем выпрашивал. Такова была жизнь директора агентства, о существовании которого большинство законодателей даже не подозревало.

Собственно Комиссия состояла из пяти политических назначенцев, чаще всего отставных судей и юристов, которым благоволил губернатор. Шесть раз в год они собирались и просматривали иски и материалы слушаний по действиям судей, напоминавшие документы судебных процессов, и внимали разъяснениям Гейсмара и его сотрудников. Ему требовалось существенно расширить штат, но на это не было денег. Шестеро его расследователей – четверо в Таллахасси и двое в Лодердейле – работали в среднем по пятьдесят часов в неделю; неудивительно, что почти все они втихаря подыскивали себе новые местечки.

Из своего углового кабинета Гейсмар мог при желании (которое возникало нечасто) любоваться соседним сооружением бункерного типа, но большей этажности, и мешаниной других правительственных построек. Кабинет Гейсмара был просторным, потому что он снес стены и водрузил длинный стол; остальные помещения в КПДС нельзя было назвать иначе, чем чуланами и клетушками. Заседания Комиссии приходилось проводить в конференц-зале Верховного суда Флориды.

Сегодня вокруг директорского стола собралось четыре человека: сам Гейсмар, Лейси, Хьюго и секретное оружие КПДС – пожилая помощница юриста по фамилии Сейделл, которая в свои без малого семьдесят лет сохранила способность не только перелопачивать горы документов, но и все их запоминать. Тридцать лет назад Сейделл отучилась на юридическом факультете, после чего трижды провалила экзамен на право заниматься адвокатской деятельностью и была низведена до роли постоянной помощницы. Когда-то она была заядлой курильщицей – это она, главным образом, прокурила

все здешние окна и потолки – и последние три года сражалась с раком легких, хотя ни разу не пропускала работу больше чем на неделю.

Стол был завален бумагами, многие из которых, отколотые от файлов, были испещрены желтыми и красными подчеркиваниями.

– …Этот человек заслуживает доверия, – докладывал Хьюго. – Мы поговорили в Пенсаколе с людьми, знавшими его в бытность адвокатом. Он пользовался хорошей репутацией, пока не попал под суд. Он тот, за кого себя выдает, хотя и сменил имя.

– Тюремное досье у него незапятнанное, – подхватила Лейси. – Он отсидел шестнадцать месяцев и четыре дня в федеральной тюрьме Техаса и почти все это время заведовал тюремной юридической библиотекой. Настоящий тюремный адвокат: помогал сидевшим с ним подавать апелляции и даже добился для двоих из них досрочного освобождения на основании непрофессиональных действий их адвокатов в суде.

– Сам-то за что сел? – спросил Гейсмар.

– Я произвел раскопки, чтобы проверить слова Майерса. Федералы копали под застройщика по фамилии Кубяк, бывшего калифорнийца, двадцать лет возводившего черт знает что здесь, в Дестине и в Панама-Сити. В конце концов они его сцапали. Теперь он отбывает тридцатилетний срок за длинный список преступлений, в основном банковское и налоговое мошенничество и отмывание денег. Вместе с ним погорела уйма народу, в том числе некто Рэмси Микс, быстро задравший лапки и заключивший досудебную сделку. Он заложил всех, кто шел по одному с ним делу, особенно Кубяка. От него многие пострадали. Наверное, он правильно делает, что бороздит моря под чужим именем. Он получил всего шестнадцать месяцев, все остальные – не меньше пяти лет. Главный приз достался Кубяку.

– Личная жизнь? – подал голос Гейсмар.

– Два развода, сейчас не женат, – стала докладывать Лейси. – Вторая жена ушла, когда его посадили. Есть сын от первого брака, живет в Калифорнии, владеет рестораном. Признав свою вину, Майерс заплатил сто тысяч долларов штрафа. На суде он показал, что столько же с него взыскали в качестве компенсации

судебных издержек. В общем, он остался без цента и за неделю до посадки объявил себя банк- ротом.

Хьюго порылся в увеличенных снимках и сказал:

– Кое-что все же озадачивает. Я сфотографировал его яхту. Это моторное судно модели «Sea Breeze» длиной пятьдесят два фута, очень недурная посудина с дальностью хода двести миль и с четырьмя удобными спальными местами. Числится за багамской компанией – «почтовым ящиком», поэтому узнать ее регистрационный номер мне не удалось, но она точно стоит не меньше полумиллиона. Его выпустили из тюрьмы шесть лет назад. По данным Бюро регистрации Флориды, его права на управление плавсредством были восстановлены три месяца назад. Офиса у него нет, живет он, по его собственным словам, на яхте, которую, возможно, арендует. Так или иначе, это не образ жизни бедняка. Возникает естественный вопрос: на какие средства?

Эстафету снова приняла Лейси:

– Возможно, когда им занялось ФБР, он разместил какие-то средства на оффшорных счетах. Это было крупное дело по RICO со множеством пострадавших. Я пошепталась с нашим осведомителем, бывшим прокурором, и он говорит, что Микса, нынешнего Майерса, всегда подозревали в том, что он кое-что утаил. Мол, многие подсудимые пытались спрятать наличность. Но разве теперь докопаешься? Если ФБР ничего не нашло семь лет назад, то приходится заключить, что у нас тоже не выйдет.

– Можно подумать, у нас есть время на поиски! – проворчал Гейсмар.

– Вот именно, – подтвердил Хьюго.

– Выходит, этот человек – мошенник? – уточнил Майкл.

– То, что он отбывал наказание по суду, – это факт. Но он его отбыл, за все заплатил и снова является уважаемым членом коллегии, как и мы трое. – Хьюго покосился на Сейделл и улыбнулся, однако она на эти слова и улыбку не отреагировала.

– Допустим, мошенник – сильно сказано, – заметил Гейсмар. – Тогда назовем его сомнительным субъектом. С версией спрятанных денег я еще не готов согласиться. Если они на оффшорном счету, а судье по банкротствам он наврал, значит, его можно обвинить в подлоге. Зачем ему в таком случае этот риск?

– Не знаю, – пожал плечами Хьюго. – Он производит впечатление осторожного человека. Не забудьте, он уже шесть лет на свободе. Во Флориде права на повторное обращение о приеме в коллегию адвокатов приходится ждать пять лет. Почему бы за время ожидания не заработать деньжат? Человек он башковитый.

– Собственно, какая разница? – не выдержала Лейси. – Мы кем занимаемся – им или коррумпированным судьей?

– Тоже верно, – согласился Гейсмар. – Говорите, он намекнул, что судья – женщина?

– Типа того, – ответила Лейси. – Это не вполне ясно.

Гейсмар повернулся к Сейделл.

– Насколько я понимаю, у нас во Флориде политкорректное количество судей-женщин.

Сейделл с усилием набрала в прокуренные легкие воздух и заговорила своим охрипшим голосом:

– Это как посмотреть. Одно дело – десятки девочек в дорожных и тому подобных судах, но из его слов можно заключить, что речь идет о гнили, поразившей окружной уровень. А там из шестисот судей женщин где-то треть. По штату разбросано девять казино, поэтому гадать – напрасно тратить время.

– А как насчет этой так называемой «береговой мафии»?

Сейделл втянула столько воздуха, сколько вмещали ее больные легкие, и ответила:

– Кто ее знает! В свое время орудовали «мафия дикси», «мафия реднеков», «техасская мафия», мало ли какие еще… Похоже на легенды, не подтвержденные криминальной хроникой. Подумаешь, крутые парни, любители торговать виски и ломать кому ни попадя ноги! Ни о какой «мафии каракатиц» и «береговой мафии» ничего не слышно. Что их вообще не существует, утверждать не берусь, но лично я ничего не накопала. – И она умокла, использовав весь воздух.

– Не будем торопиться, – сказала Лейси. – Я наткнулась на одну статейку сорокалетней давности в одной из газет Литтл-Рока. Это красочная история некоего Ларри Уэйна Фаррела, владельца нескольких рыбных ресторанов в Арканзасской Дельте. Он вроде бы для виду торговал сомами, при этом через заднюю дверь нелегально приторговывал спиртным. В какой-то момент ему и его родным захотелось большего, они расширились и перешли к организации азартных игр, крышеванию проституции, торговле угнанными автомобилями. Дальше – все как говорит Майерс: дрейф по Глубокому югу в поисках коррумпированного шерифа для новой реорганизации. В конце концов они осели в окрестностях Билокси. Статья длинная, приводить все подробности нет смысла, но за этими ребятами тянется удивительно длинная вереница трупов.

– Признаю свою ошибку, – сказала Сейделл. – Спасибо, просветили.

– Пожалуйста.

– Напрашивается очевидный вопрос, – заговорил Хьюго. – Допустим, он подает свой иск, мы приступаем к расследованию и выходим на что-то действительно опасное. Почему попросту не обратиться к ФБР? Разве Майерс сможет нам помешать?

– Конечно, не сможет, – ответил Гейсмар. – Именно так и произойдет. Расследование контролируем мы, а не он. Если нам потребуется помощь, мы ее обязательно получим.

– Значит, приступаем? – спросил Хьюго.

– А как же, Хьюго! У нас нет выбора. Если он подает иск с обвинением кого-то из судей в должностном преступлении или коррупции, то наш статус диктует единственную линию поведения – оценку ситуации. Все просто. Ты

нервничаешь?

– Нет.

– Есть колебания, Лейси?

– Конечно, нет.

– Прекрасно. Поставьте в известность Майерса. Если он захочет говорить со мной, я не возражаю.

На то, чтобы дозвониться Майерсу, ушло два дня. Когда это наконец получилось, он не проявил желания общаться с Лейси или с Гейсмаром. Сказал, что по горло занят делами и перезвонит позже. Связь была слабая, с помехами, как будто он заплыл в невесть какую даль. На следующий день он позвонил Лейси с другого номера и попросил Гейсмара. Тот заверил его, что иск будет рассмотрен в приоритетном порядке и расследование начнется немедленно. Через час Майерс перезвонил Лейси и попросил о встрече. Сказал, что хочет снова увидеться с ней и Хьюго и обсудить дело. Что есть много сведений, которые он готов сообщить только устно и которые критически важны для расследования. Предупредил, что откажется от подачи иска, если они отклонят его просьбу о встрече.

Гейсмар дал добро, осталось дождаться, пока Майерс назначит время и место. Тот ждал неделю, потому что, как объяснил, они с Карлитой «болтаются вокруг островов Абако», что на севере Багамского архипелага, и вернутся во Флориду через несколько дней.

Ближе к вечеру субботнего дня, когда температура, достигнув 40 градусов Цельсия, стала понемногу снижаться, Лейси въехала в никогда не закрывавшиеся ворота и покатила мимо вереницы рукотворных прудов с фонтанчиками, выстреливавшими вверх струйки теплой водички, мимо запруженного людьми поля для гольфа, мимо шеренг одинаковых домов, выставлявших напоказ гаражи на две машины, и затормозила перед парком с цепочкой сообщающихся бассейнов. Здесь плескались и забавлялись сотни ребятишек, чьи мамаши болтали и тянули напитки под широкими зонтиками.

Комплекс «Мидоус» пережил Большую рецессию и неплохо котировался на рынке как мультирасовое сообщество молодых семей. Хьюго и Верна Хэтч поселились здесь пять лет назад, когда завели второго ребенка. Теперь их семья с четырьмя детьми с трудом помещалась в бунгало площадью 2200 квадратных футов. Но о переезде в дом побольше не могло быть речи. Хьюго получал 60 тысяч долларов в год, как и Лейси, но та жила одна и могла кое-что откладывать, в то время как Хэтчи жили от зарплаты до зарплаты.

Это, впрочем, не отучило их от любви к дружеским сборищам, поэтому почти каждую летнюю субботу Хьюго вставал к грилю у бассейна с банкой холодного пива в руке и принимался жарить бургеры и болтать с приятелями о футболе, поглядывая на плещущихся в бассейне детей и на прячущихся в тени женщин. Лейси пошла к женщинам и под их привычные приветствия добралась до беседки у бассейна, где Верна нянчила малышку, отдыхая от жары. Месячная Пиппин была пока что очень слабенькой. Лейси, бывало, сидела с детьми Хэтчей, давая родителям передохнуть. Правда, найти бэбиситтера тоже не составляло труда, да и обе бабушки жили не дальше тридцати миль. И Хьюго, и Верна происходили из многолюдных семейств, имели бесчисленных тетушек, дядюшек, кузенов и кузин и не жаловались на нехватку семейных драм и конфликтов. Лейси часто завидовала ощущению надежности, обеспечиваемому такого рода кланом, но при этом была рада, что не должна отвлекаться на кучу людей с их проблемами. Верна и Хьюго тоже порой, ища помощи, не хотели обращаться к родственникам.

Лейси взяла у Верны Пеппин и отпустила мать за напитками. Качая малютку, она наблюдала за сборищем – черными, белыми, латинос и азиатами, сплошь молодыми парами с маленькими детьми. Двое папаш, однокурсники Хьюго по юридическому факультету, работали в прокуратуре, еще один – в сенате штата. Неженатые мужчины отсутствовали, перспектива знакомства тоже, да Лейси ее и не ждала. Она редко с кем-то встречалась ввиду почти полного отсутствия пригодных – во всяком случае, для нее – мужчин. На ее счету был один болезненный разрыв, даже теперь, спустя восемь лет, отягощавший ее память.

Верна вернулась с двумя банками пива, села напротив нее и спросила шепотом:

– Вот интересно, почему у тебя на руках она всегда успокаивается?

Лейси улыбнулась и пожала плечами. В свои 36 лет она частенько задавалась вопросом, появится ли и у нее когда-нибудь свой ребенок. Ответа не было, но

часы тикали, и она тревожилась, что шансов становится все меньше. У Верны, как и у Хьюго, был усталый вид. Им хотелось большой семьи, но, если серьезно, четверо детей – не достаточно ли? Лейси не отваживалась заводить этот разговор, но для нее ответ был очевиден. Оба супруга получили высшее образование, став в своих семьях пионерами, и мечтали, чтобы и у их детей была эта возможность. Но как обеспечить такое всем четверым?

– Хьюго говорит, что Гейсмар поручил вам двоим крупное дело, – тихо произнесла Верна.

Лейси удивилась: обычно Хьюго не обсуждал дома семейные дела. Кроме того, КПДС по понятным причинам требовала от своих сотрудников соблюдения конфиденциальности. Им случалось вечерком, хлебнув пива, высмеивать втроем выходки очередного судьи, попавшего под их прожектор, но имена при этом никогда не звучали.

– Может, крупное, а может, никакое, – отозвалась Лейси.

– Он немного мне сказал, такая уж у него манера, но я вижу, что он беспокоится. Странно, мне никогда не приходило голову, что у вас опасная работа.

– Нам тоже. Мы же не копы с «пушками». Мы – юристы, наше оружие – повестка в суд.

– Хьюго говорит, что хотел бы носить револьвер. Меня это серьезно тревожит, Лейси. Обещай мне, что вас не подстерегает никакая опасность.

– Даю тебе слово, Верна: лишь только я почувствую необходимость вооружиться, мигом уволюсь и стану искать другую работу. В жизни ни из чего не стреляла!

– В моем, то есть в нашем мире слишком много оружия и слишком много бед из-за него.

Пиппин, проспавшая целых пятнадцать минут, вдруг разразилась отчаянным плачем. Верна потянулась к ней.

– Ну что за ребенок!..

Лейси отдала ей малютку и пошла проверить, готовы ли бургеры.

Глава 4

Выйдя наконец на связь, Майерс предложил Лейси встретиться на той же пристани в Сент-Огастине. Все было по-прежнему: тот же изнурительный зной, та же влажность, те же сходни в конце пирса, даже та же самая цветастая рубашка на Майерсе. Они сели за знакомый деревянный столик под тентом у него на яхте, он отхлебнул пива из бутылки с той же этикеткой и начал рассказ.

Омар, герой его рассказа, в реальной жизни звался Вонном Дьюбозом и был потомком тех гангстеров, которые действительно замышляли свои первые преступления в кладовке рыбного ресторанчика под Форрест-Сити, штат Арканзас. Ресторанчик принадлежал его деду по материнской линии, погибшему спустя годы в устроенной полицейскими засаде. Отец Вонна повесился в тюрьме – во всяком случае, официальный рапорт гласил, что его нашли повешенным. Многочисленных дядьев и кузенов ждала схожая судьба, и банда изрядно поредела, прежде чем Вонн открыл для себя золотую жилу – торговлю кокаином в Южной Флориде. Несколько тучных лет дали средства для укрепления небольшого синдиката. Теперь он сам, почти семидесятилетний, жил где-то на южном побережье, обходясь без постоянного адреса, банковского счета, водительских прав, номера социального страхования и паспорта. Начав разрабатывать новую золотую жилу, Вонн сократил численность своей банды до горстки кузенов, чтобы к кассе не тянулись лишние руки. Он орудовал совершенно анонимно и скрывался за частоколом оффшорных компаний, управляемых некой юридической фирмой из Билокси. По всем сведениям – правда, малочисленным, – он был очень богат, но жил скромно.

– Вы когда-нибудь с ним встречались? – спросила Лейси.

Майерса вопрос позабавил.

– Не глупите! С этим человеком никто никогда не встречается. Он живет в густой тени, чем похож на меня. В Пенсаколе и вокруг вряд ли найдутся трое

людей, готовых сознаться, что знакомы с Вонном Дьюбозом. Я прожил там сорок лет и то узнал о его существовании всего несколько лет назад. Он появляется и исчезает.

– Причем не имеет паспорта, – заметил Хьюго.

– Настоящего. Если его когда-нибудь схватят, то найдут с полдюжины фальшивых паспортов.

В 1936 году Бюро по делам индейцев предоставило хартию маленькому племени таппаколов численностью всего в 400 человек, проживавшему на флоридском «отростке»; большинство их ютилось в лачугах среди болот округа Брансуик. Тогда у племени было что-то вроде штаб-квартиры – резервация площадью триста акров, предоставленная ему федеральным правительством за восемьдесят лет до того. К 1990-м годам могучий народ Южной Флориды семинолы, как и племена всей страны, увидел яркий свет, испускаемый индустрией азартных игр. Так сошлось, что Вонн и его банда как раз начали скупать дешевые земли по соседству с резервацией таппаколов. В начале 1990-х годов – точнее никто не скажет, потому что тот разговор все давно поспешили забыть, – Дьюбоз сделал таппаколам невероятно выгодное предло- жение.

– «Трежеар Ки[3 - Treasure Key – «Ключ к сокровищу» (англ.).]», – пробормотал Хьюго.

– Оно самое. Единственное в Северной Флориде казино, удобно расположенное всего в десяти милях от федеральной автострады номер десять и в десяти милях севернее пляжей. Казино с полным комплектом обслуживания, открыто круглосуточно семь дней в неделю, развлечения в стиле Диснейленда для всей семьи, крупнейший в штате аквапарк, кондоминиумы на продажу, в аренду и в тайм-шер – выбор за вами. Настоящая Мекка для желающих рискнуть или просто поиграть на солнышке – заметьте, меньше, чем в двухстах милях от пятимиллионого скопления людей! Не знаю цифр – индейцы, управляющие казино, ими не делятся, – но «Трежеар Ки» вполне может приносить полмиллиарда баксов в год.

– Мы побывали там прошлым летом, – сознался Хьюго, как будто его уличили в постыдном поступке. – Неплохое местечко, чтобы спустить лишний доллар-другой. Честно скажу, мне понравилось.

– Неплохое?! Сказочное место! Неудивительно, что у них всегда аншлаг, а таппаколы купаются в деньгах.

– Делясь ими с Вонном и его ребятами? – подсказал Хьюго.

– Не только. Но все по порядку.

– Это округ Брансуик в двадцать четвертом судебном округе, – сказала Лейси. – В двадцать четвертом двое окружных судей – мужчина и женщина. Уже теплее?

Майерс с улыбкой похлопал ладонью по закрытой папке посередине стола.

– Здесь исковая жалоба. Отдам вам ее позже. Судья – достопочтенная Клаудия Макдоувер, занимает должность уже семнадцать лет. О ней тоже потом. Пока позвольте продолжить предысторию. Она критически важна.

Возвращаемся к таппаколам. Из-за казино в племени произошел жестокий раскол. Противников разврата возглавил агитатор Сон Разко, христианин, не принимавший азартных игр по соображениям морали. Он возглавил своих сторонников, как будто оказавшихся в большинстве. Поборники открытия казино сулили всем заманчивые блага – новые дома, пожизненные пенсии, хорошие школы, бесплатную учебу в колледже, здравоохранение и так далее. Кампанию в пользу открытия казино тайно финансировал Вонн Дьюбоз, но отпечатков, как всегда, не оставлял. В 1993 году вопрос поставили на голосование. Правом голоса обладали лица старше восемнадцати лет, всего человек триста. К урнам пришли все, за исключением четырнадцати душ; за процедурой – чтобы чего не вышло – наблюдали федеральные приставы. Победил Сон Разко со своими традиционалистами: им досталось пятьдесят четыре процента голосов. Последовал иск о фальсификации итогов голосования и о запугиваниях, но окружной судья не дал ему хода. Казино погибло.

Как вскоре после этого и Сон.

Тело нашли в чужой спальне, рядом с чужой женой. Оба оказались убиты выстрелами в голову. Оба были обнажены и, похоже, застигнуты на месте прелюбодеяния. Мужа убитой, некого Джуниора Мейса, арестовали по обвинению в убийстве. Пока шли борения из-за казино, он оставался близким соратником Разко. Он настаивал, что невиновен, тем не менее ему грозил

смертный приговор. Ввиду широкой огласки процесса недавно избранная судьей Клаудия Макдоувер перенесла его в другой округ, но настояла на том, чтобы продолжать вести его самой. На всех этапах она поддерживала обвинение.

На пути создания казино стояло две преграды. Одной был Сон Разко, другой – местоположение. Земли таппаколов – почти сплошь необитаемые низинные болота и рукава морских заливов, но и там можно было выкроить сушу для строительства казино и всего необходимого вокруг. Проблемой оставалась транспортная доступность. В резервацию вела старая дорога, пришедшая в негодное состояние. Предполагаемую нагрузку она бы ни за что не выдержала. Руководство округа Брансуик, польстившись на налоговые поступления, создание хорошо оплачиваемых рабочих мест и прочее, согласилось построить новую четырехполосную трассу от местной дороги номер 288 до границы резервации, откуда было уже рукой подать до будущей стройплощадки. Вот только для строительства дороги пришлось бы прибегнуть к принудительному отчуждению или конфискации частных земельных участков, большинство владельцев которых выступали против казино.

Округ возбудил одновременно одиннадцать судебных исков с целью конфискации одиннадцати участков вдоль проектируемой трассы. Судья Макдоувер приняла иски к рассмотрению и надавила на адвокатов. События развивались стремительно: в считаные месяцы первый иск был готов к разбирательству в суде. К этому времени почти никто, особенно среди адвокатов, не сомневался, что судья занимает сторону округа и выступает за оперативное строительство дороги. Незадолго до первого заседания она устроила у себя в зале заседаний совещание по достижению соглашения, подразумевавшего выплату округом каждому землевладельцу вдвое больше оценочной стоимости его участка. Законы Флориды почти не оставляли сомнений, что округ получит землю. Вопрос сводился к компенсации. Также имели значение сроки. Проталкивая разбирательство, судья Макдоувер позволяла казино избежать многолетнего промедления.

Пока тянулись дела с принудительным отчуждением, убрали Сона Разко, и поборники казино потребовали нового референдума. В этот раз они победили, получив большинство в тридцать голосов. Новый иск о подтасовках при голосовании судья Макдоувер опять отвергла. Наконец-то можно было приступать к строительству «Трежеар Ки». В 2000 году казино открылось.

Апелляции Джуниора Мейса ползли через систему, многие эксперты критиковали суд и приговор, однако серьезных нарушений не обнаруживалось, и приговор оставался в силе.

– Мы изучали это дело на юридическом факультете, – вспомнил Хьюго.

– Убийство было совершено шестнадцать лет назад. Вам было тогда лет двадцать? – уточнил Майерс.

– Примерно. Самого убийства я не помню, суда тоже, но речь о нем шла, это точно. Об уголовном процессе. Об использовании доносчиков из числа сокамерников в процессе по тяжкому убийству, караемому смертной казнью.

– Вы об этом вряд ли слышали? – обратился Майерс к Лейси.

– Я – нет, – ответила та. – Я выросла не во Флориде.

– Я собрал полное досье по делу об этом убийстве, начиная с законности взятия под арест. Я занимался им много лет и знаю больше, чем кто-либо другой. Можете задавать любой вопрос.

– Итак, Мейс застал жену в постели с Соном и сильно обиделся?

– Сомневаюсь. Мейс утверждает, что находился в другом месте, но свидетель его алиби не очень надежен. Назначенный судом защитник был неопытным новичком, не то что шустрый обвинитель. Тому судья Макдоувер разрешила вызвать в качестве свидетелей двух тюремных доносчиков, показавших, что в тюрьме Мейс хвастался, будто совершил убийство.

– Нам следует с ним поговорить? – поинтересовался Хьюго.

– Я бы именно с этого и начал.

– Почему? – спросила Лейси.

– Потому что Джуниор Мейс может что-то знать, и есть шанс, что он станет с вами говорить. Таппаколы – суровый и неразговорчивый народ, очень

подозрительный к чужакам, особенно к властям и носителям мундиров. К тому же они запуганы Дьюбозом и его бандой. Их легко удалось запугать. Поэтому они предпочитают помалкивать. На них неожиданно свалилась уйма денег. Теперь у них дома, машины, школы, медицина, деньги на колледж для отпрысков. Зачем раскачивать лодку? Даже если казино делает грязные дела, якшается с гангстерами – кому какое дело? А вот тому, кто распустит язык, грозит пуля.

– Может, поговорим о судье? – предложила Лейси.

– Поговорим. Клаудия Макдоувер, пятьдесят шесть лет, первый раз ее избрали судьей в 1994 году и с тех пор переизбирают каждые шесть лет. Как ни посмотри, усердная судья, очень серьезно относящаяся к своей работе. Переизбирается с внушительным счетом. Яркая личность, но очень управляема. Ее бывший муж был популярным врачом в Пенсаколе и любителем молоденьких медсестер. На громком бракоразводном процессе муженек и шайка его адвокатов здорово потрепали Клаудию. Она со зла поступила на юридический факультет, чтобы выучиться и отомстить, но в процессе учебы решила послать своего бывшего куда подальше. Поселилась в главном городке округа Брансуик Стерлинге и пошла работать в захудалую риелторскую фирму. Однако в маленьком городе она быстро заскучала. В какой-то момент пути Вонна Дьюбоза и ее пересеклись. Эта часть истории для меня покрыта мраком. Слышал, что они то сходились, то расходились, но проверить это вряд ли возможно. В 1993 году, после того как таппаколы проголосовали против казино, Клаудия Макдоувер вдруг заинтересовалась политикой и решила баллотироваться в окружные судьи. Я ни о чем таком понятия не имел, потому что был занят своей адвокатской практикой в Пенсаколе и не смог бы показать Стерлинг на карте. О таппаколах слышал, читал о борьбе вокруг проекта казино, но интереса к этому не испытывал. Судя по всему, ее кампания имела прекрасное финансирование и организацию. На выборах Клаудия получила на тысячу голосов больше, чем прежний судья. Через месяц после ее вступления в должность был убит Сон Разко, и, как я говорил, она председательствовала на суде над Джуниором Мейсом. Шел 1996 год, Вонн Дьюбоз с сообщниками и деловыми партнерами активно скупали землю в округе Брансуик, вблизи резервации. Когда выяснилось, что таппаколы жаждут казино, зашевелились и другие земельные спекулянты, но после первого голосования у них пропал интерес. Вонн с радостью завладел их бывшей собственностью. Он-то знал, чем все закончится, и вскоре взял индейские земли в кольцо. После драматического устранения Сона Разко прошел второй референдум, на котором победили сторонники казино. Остальное – история.

Лейси прильнула к своему лэптопу и вскоре открыла большую официальную фотографию судьи Клаудии Макдоувер в черной мантии, с судейским молоточком в руке. Ее короткие черные волосы, собранные в пучок, выглядели очень стильно, на лице выделялись дизайнерские очки, не позволявшие разобраться в выражении глаз. Ни улыбки, не тени тепла, юмора – сугубо деловой вид. Могла ли она быть частью заговора по ложному обвинению человека, пятнадцать лет после этого ожидающего приведения в исполнение смертного приговора? Трудно было в такое поверить.

– Ну и где тут коррупция? – спросила Лейси.

– Всюду. Как только таппаколы взялись строить казино, Дьюбоз тоже принялся за дело. Начал с гольф-клуба «Рэббит Ран» по соседству с ка- зино.

– Помню, проезжали, – заметил Хьюго. – Я думал, это часть «Трежеар Ки».

– Нет, хотя от стоянки гольф-клуба до казино можно дошагать за пять минут. Часть уговора с таппаколами – что они не касаются гольфа. Их область – азартные игры и увеселения; все остальное – за Дьюбозом. Он начал с восемнадцати лунок в «Рэббит Ран» и с прекрасных домов-кондоминиумов вдоль всех лужаек.

Майерс положил на стол папку.

– Вот исковая жалоба за подписью приведенного к присяге Грега Майерса. В ней я утверждаю, что достопочтенная Клаудия Макдоувер владеет минимум четырьмя кондоминиумами в комплексе «Рэббит Ран», уступленными ей зарегистрированной в Белизе безликой корпорацией CFFX.

– Дьюбоз? – осведомилась Лейси.

– Уверен, что он, хотя доказать пока не могу.

– Что там с правами собственности? – спросил Хьюго.

Майерс постучал по папке:

– Все здесь. Вы увидите, что CFFX оформила как минимум двадцать единиц жилья на оффшорные компании. У меня есть основания полагать, что судья Макдоувер имеет отношение к четырем, принадлежащим якобы иностранным собственникам. Мы имеем дело с искушенными злоумышленниками, пользующимися услугами прекрасных юристов.

– Сколько стоят кондоминиумы? – спросила Лейси.

– Сегодня – примерно миллион каждый. «Рэббит Ран» – очень успешный проект, умудрившийся даже не заметить Большую рецессию. Благодаря казино у Дьюбоза много наличности, он предпочитает огороженные жилые кварталы с домиками-близнецами и кондоминиумами вдоль лужаек для гольфа. Он начал с восемнадцати лунок, дошел до тридцати шести, потом до пятидесяти четырех. Земли хватит еще на много новых.

– Зачем было отдавать кондоминиумы судье Макдоувер?

– Может, он просто милый человек? Думаю, это изначально входило в их сделку. Клаудия Макдоувер продала душу дьяволу, чтобы ее избрали, и с тех пор плата все поступает и поступает. Сооружение казино и массовое строительство в округе Брансуик породили уйму судебных тяжб. Споры по зонированию, иски защитников окружающей среды и хозяев земельных участков, отчуждение земель – во всем этом она очень поднаторела. Те, кто спелся с Дьюбозом, похоже, всегда оказываются в выигрыше, а его враги – в проигрыше. Судья чертовски умна и может убедительно и профессионально обосновать любое решение. Ее решения редко отменяются по результатам апелляции. В 2001 году у них с Дьюбозом возникли разногласия. Не уверен, что послужило их причиной, но свара вышла будь здоров. Считают, что ей захотелось большей доли от доходов казино. Дьюбоз решил, что прежнее возмещение было в самый раз. И тогда судья Макдоувер закрыла казино!

– Как ей такое удалось? – удивилась Лейси.

– Еще один любопытный сюжет! Когда казино заработало на всю катушку и стало печатать деньги, в округе сообразили, что на налогах им не нажиться. В Америке индейцы не платят налогов от доходов с казино. Таппаколам не захотелось делиться. Округ решил, что его провели, – он ведь наизнанку вывернулся, чтобы построить новейшую четырехполосную дорогу длиной в семь

миль! Ну и, не будь дурак, убедил законодателей штата дать разрешение на сбор платы за проезд по новой дороге.

– Так и есть! – засмеялся Хьюго. – Примерно в миле от казино с тебя берут за проезд пять баксов.

– Все сложилось удачно. Индейцы счастливы, округ тоже имеет свою денежку. Но тут Дьюбоз и судья Макдоувер схлестнулись. Что делает она? Подговаривает знакомого адвоката запросить судебного запрета на том основании, что на пунктах сбора платы за проезд не соблюдаются правила безопасности. Может, кому-то помяли крыло или бампер, только и всего. Проблема была высосана из пальца, тем не менее судья тут же наложила запрет, и платную дорогу закрыли. Казино не закрывалось, потому что кое-кто просачивался туда объездными путями, но с тем же успехом можно было бы запереть двери и погасить свет. Так продолжалось шесть дней, пока Вонн и Клаудия ждали, кто первым моргнет. Потом обоим это надоело, судебный запрет был снят, и все вздохнули с облегчением. Это стало поворотным моментом в истории казино и связанной с ним коррупции. Судья Макдоувер всем дала понять, что главная – она.

– Вы так говорите о Дьюбозе, как будто его все знают, – произнес Хьюго.

– Его не знает никто. Я думал, что ясно сказал об этом. У него небольшая организация, главари которой состоят между собой в родстве, и все огребают кучу денег. Он велит кузену зарегистрировать компанию с ограниченной ответственностью на Бермудах и прикупить землицы. Другой кузен с Барбадоса приобретает кондоминиумы. Дьюбоза ограждает частокол оболочечных оффшорных компаний. Он безлик и не оставляет следов.

– На ком его юридическое обеспечение? – спросила Лейси.

– На маленькой фирме из Билокси, парочка тамошних адвокатов-налоговиков поднаторела в грязных делишках. Они годами представляют банду Дьюбоза.

– Все звучит так, будто судья Макдоувер не боится Дьюбоза, – заметила Лейси.

– Дьюбоз слишком умен, чтобы убрать судью, хотя, уверен, ему приходили такие мысли. Она нужна ему, он ей. Вот прикиньте: вы – амбициозный флоридский девелопер-жулик, плюс практически в вашей собственности целое казино, хотя

это, конечно, незаконно и нуждается в защите. Что может быть ценнее уважаемой судьи в вашем заднем кармане?

– Акт RICO принимался как раз для таких случаев, – сказал Хьюго. – Да тут пробу ставить негде!

– Негде. Но мы ведь не прибегнем к акту RICO, мистер Хэтч? Это же федеральный закон, тогда пришлось бы обращаться в ФБР. Мне плевать, что будет с Дьюбозом. Я хочу прижать судью Макдоувер, чтобы мой клиент-разоблачитель получил небольшие денежки.

– Небольшие – это сколько? – поинтересовалась Лейси.

Майерс допил пиво и вытер губы тыльной стороной ладони.

– Не знаю. Уточнять такие вещи – ваша работа.

Из каюты появилась Карлита.

– Обед готов.

Майерс встал.

– Приглашаю вас присоединиться ко мне.

Лейси и Хьюго переглянулись. Они просидели на палубе два часа, успели проголодаться и минуту назад понятия не имели, что их собираются кормить, но сейчас почему-то усомнились, правильно ли будет есть на борту. Однако Майерс уже манил их вниз:

– Пошли, пошли!

Они последовали за ним. Стеклянный столик посреди тесного трюма был накрыт на три персоны. Невидимый кондиционер трудился на совесть: их встретила освежающая прохлада. В ноздри ударил аппетитный запах жареной рыбы. Карлита суетилась вовсю, довольная, видимо, возможностью кого-то накормить. Она поставила на столик блюдо тако с рыбной начинкой, разлила по стаканам

газированную воду, предложила вина. Все отказались, и она исчезла из виду.

Майерс, не прикасаясь к еде, продолжил рассказ:

– Эта исковая жалоба – не та, которую я намерен подать. В ней я заявляю о коррупции в ограниченном масштабе – в виде владения несколькими кондоминиумами в комплексе «Рэббит Ран». Настоящие деньги – это ежемесячно поступающая судье Макдоувер доля от прибылей казино. Моя истинная мишень – они, потому что для моего клиента это золотая жила. Если удастся это доказать, я внесу в иск дополнения. Если нет, то здесь хватит обвинений, чтобы лишить ее мантии, а то и для предъявления обвинения.

– В вашем иске упомянут Вонн Дьюбоз? – спросила Лейси.

– Нет. Его корпорации именуются здесь «преступными структурами».

– Как оригинально! – скривилась Лейси.

– У вас есть лучшее предложение, мисс Штольц? – осведомился Майерс.

– Может, хватит «мистеров» и «мисс»? – не вытерпел Хьюго. – Она – Лейси, вы – Грег, я – Хьюго.

– Я не против. – Все трое потянулись за тако. Майерс, жуя, продолжил болтать: – У меня вопрос. Согласно вашему статусу, у вас есть сорок пять дней начиная с сегодняшнего, чтобы вчинить судье Макдоувер иск. А пока вы будете проводить свое расследование – как это у вас называется?

– Разработка.

– Ну да. Меня вот что беспокоит… Уверен, этим людям невдомек, что кто-то под них копает, и когда судья Макдоувер получит экземпляр исковой жалобы, то испытает шок. Первым делом она позвонит Дьюбозу, после чего могут начать раскручиваться безумные события. Судья мобилизует крупнокалиберную адвокатуру, станет категорически все отрицать, возможно, примется перемещать свои активы. Дьюбоз запаникует, построит свои фургоны кольцом, может, начнет искать, кого бы запугать…

– У вас был вопрос.

– Вопрос: сколько времени вы можете выжидать, прежде чем дать по ней залп? Как долго сможете выжимать педаль тормоза? По-моему, здесь самое главное – успеть разведать как можно больше, прежде чем она прознает, что вы за нее взялись.

Лейси и Хьюго переглянулись.

– Мы – бюрократы, – сказала Лейси. – Нам ли не уметь жать на тормоза! Но если она бросится в контратаку, как вы предрекаете, то ее адвокаты живо найдут к чему придраться. Стоит нам хоть в чем-то отступить от процедуры – и она превратит иск в ничто.

– Давайте перестрахуемся, – предложил Хьюго. – Будем считать, что разработка продлится положенные сорок пять дней.

– Слишком мало времени, – заметил Майерс.

– Больше у нас нет, – напомнила Лейси.

– Может, расскажете хоть что-нибудь про вашего загадочного клиента? – попросил Хьюго. – Откуда у него все эти сведения?

Майерс отпил воды и улыбнулся:

– Снова вы заранее присвоили клиенту мужской пол.

– Ну, так назовите клиента, как вам нравится.

– В нашей коротенькой цепочке всего три звена: я, мужчина средних лет, связавший клиента со мной, и сам – или сама – клиент. Мы с посредником называем клиента «кротом». «Крот» может быть мужчиной или женщиной, старым или молодым, черным, белым или серо-буро-малиновым – без разницы.

– «Крот»? – фыркнула Лейси. – Как-то неоригинально.

– Не важно. Или у вас есть более выразительное обозначение?

– Ладно, пусть остается это. Так откуда у него такие знания?

Майерс отправил в рот половинку тако и стал медленно жевать. Мимо яхты проплыло что-то крупное, погнавшее высокую волну. Переждав ее, Майерс ответил:

– «Крот» очень близок к судье Макдоувер и пользуется у ее чести безоговорочным доверием. Как видите, даже избыточным. Пока это все, что я могу раскрыть.

Все трое помолчали.

– Теперь вопрос возник у меня, – нарушила молчание Лейси. – Вы говорите, что эти люди, Дьюбоз и его банда, очень ушлые и пользуются услугами хороших адвокатов. Самой Макдоувер тоже нужен умелый адвокат для отмывки ее доли грязных денег. К кому бы ей обратиться?

– Ясное дело, к Филлис Турбан, она в Мобиле ведет дела по доверительному управлению собственностью.

– Что-то многовато женского пола, – скривилась Лейси.

– Они с Макдоувер вместе учились на юридическом факультете, обе разведены, бездетные, подруги не разлей вода. Такие закадычные, что, может, даже больше, чем подруги.

Лейси и Хьюго дружно сглотнули, переваривая услышанное.

– Предлагаю предварительный итог услышанного, – заключила Лейси. – Объект, судья Клаудия Макдоувер, подкуплена преступным элементом, снимает пенку с доходов индейского казино и каким-то образом отмывает деньги при помощи своей близкой подруги, по совместительству адвоката по управлению собственностью.

– Вы на верном пути, – улыбнулся Майерс. – Хочу пива! Кому еще пива? Карлита!

Юристы расстались с ним на пирсе, помахав ему и пообещав поддерживать связь. Майерс намекнул, что намерен зарыться еще глубже: иску был дан ход, что вскоре могло привести к неприятностям. Лейси и Хьюго не заметили никаких указаний на то, что Вонн Дьюбоз и Клаудия Макдоувер могут заподозрить в чем-то Грега Майерса, раньше именовавшегося Рэмси Миксом, с которым вроде бы никогда не пересекались. Еще одна дыра в его истории. В этой истории набиралось многовато дыр.

Глава 5

Следующий день они провели в офисе, занимаясь вместе с Гейсмаром мозговым штурмом и составляя план. Теперь, когда появился иск, стрелка часов начала движение. По графику Лейси и Хьюго скоро предстояло отправиться в городок Стерлинг и вручить копию иска достопочтенной Клаудии Макдоувер. До этого требовалось раскопать как можно больше.

Но первым делом они должны были посетить корпус смертников. Хьюго бывал там один раз – на факультетской учебной экскурсии. Лейси всю свою профессиональную карьеру периодически слышала о тюрьме в Старке, но никогда ее не посещала. Они выехали с утра пораньше, чтобы не угодить в пробку, регулярно возникавшую вокруг Таллахасси, и к тому моменту, когда трафик на шоссе I-10 поредел, Хьюго уже поклевывал носом. До тюрьмы было два с половиной часа езды. Лейси не пришлось бодрствовать ночью с плачущим младенцем на руках, но и она совершенно не выспалась. У нее и у Хьюго, как и Гейсмара, было ощущение, что их подстерегает непролазная грязь, которую им не разгрести. Если верить Грегу Майерсу, в округе Брансуик уже давно безнаказанно орудовала организованная преступность. Расследовать все это должны были бы структуры с гораздо более широкими полномочиями и опытом. Вооруженные до зубов копы, а не они – всего-навсего юристы, категорически не желающие носить оружие. Они были обучены разоблачать коррумпированных судей, а не организованные преступные синдикаты.

Эти мысли не давали ей спать почти всю ночь. Сейчас, спохватившись, что неудержимо зевает, Лейси свернула в круглосуточный «драйв-фру» и заказала кофе.

– Просыпайся! – затормошила она напарника. – Нам пилить еще полтора часа. Я тоже вырубаюсь.

– Извини… – пробормотал Хьюго, протирая глаза.

В пути, отпивая за рулем кофе, она слушала Хьюго, излагавшего одну из составленных усердной Сейделл памяток.

– Как пишет наша коллега, с 2000 по 2009 год в округе Брансуик разбиралось девять тяжб с участием компании «Найлан Тайтл», багамской фирмы, зарегистрированным агентом которой является адвокат из Билокси. В каждом случае истец пытался выяснить истинных владельцев «Найлан Тайтл», но раз за разом судья, наша подруга Клаудия Макдоувер, говорила «нет». Вход воспрещен. Компания с багамским юридическим адресом подчиняется законам Багамских островов, у них есть собственный способ защищать свои компании. Так или иначе, у «Найлан Тайтл» шикарные адвокаты, потому что компания совершенно непобедима, во всяком случае, в зале суда у судьи Макдоувер. Счет десять-ноль.

– Что ей пытались вменить?

– Недобросовестное зонирование, неисполнение контрактных обязательств, занижение стоимости недвижимости, даже прекращенный групповой иск нескольких владельцев кондоминиумов о конструктивных недостатках. Сам округ предъявлял «Найлан» иск по оценке собственности и налоговым недоимкам.

– Кто выступает от имени «Найлан»?

– Один и тот же адвокат из Билокси, очень подкованный выразитель корпоративных интересов. Если «Найлан» – это на самом деле Вонн Дьюбоз, то он хорошо спрятался, Майерс не врет. Частокол адвокатов. Хорошо сказано!

– Просто очаровательно!

Хьюго отхлебнул еще кофе и отложил памятку.

– Знаешь что, Лейси? Я не доверяю Грегу Майерсу.

– Верно, он не внушает доверия.

– Но при этом приходится признать: все, что он говорит, подтверждается. Если он нас использует, то с какой целью?

– В полчетвертого ночи я задалась тем же самым вопросом. Мы должны поймать судью Макдоувер с кучей наличных. И точка. «Крот» получает в награду свою долю, Майерсу тоже обломится. Сцапают заодно Вонна Дьюбоза и его ребят – тем лучше. Но как это поможет Майерсу?

– Никак, разве что Макдоувер погорит вместе с Дьюбозом.

– Он точно нас использует, Хьюго. Он подал исковую жалобу о коррумпированной судебной практике и прямых хищениях. Мы не можем не провести расследование. Но тогда можно сказать и так: любой, кто жалуется на судью, использует нас для обнаружения истины. Такова суть нашей работы.

– Да, но что-то с этим типом не то…

– У меня такое же безотчетное ощущение. Стратегию Гейсмара я одобряю: приглядываемся, отщипываем кусочки по краям, начинаем писать историю, пытаемся узнать, кто владеет теми четырьмя кондоминиумами, делаем свою работу, но аккуратно. Находим настоящие доказательства правонарушений – передаем их ФБР. Майерс не может нам помешать.

– Согласен, но с него станется исчезнуть и больше ни разу с нами не заговорить. Если он располагает доказательствами коррупции в казино, то нам их ни за что не раздобыть, если вмешается ФБР.

– Что еще хорошего дала нам на дорожку Сейделл?

Хьюго взял другую памятку.

– Здесь подноготная судьи Макдоувер: выборы, избирательные кампании, оппоненты и прочее. Поскольку выборы внепартийные, о ее политических

предпочтениях остается только гадать. Ни слова о финансировании других кандидатов в других выборах. Раньше жалоб в КПДС не было. В адвокатуру штата тоже. Ни тяжких уголовных преступлений, ни проступков. С 1998 года получает в ассоциации адвокатов штата самый высокий рейтинг. Много пишет, здесь длинный список ее публикаций в разных юридических журналах. Любит выступать на семинарах и перед студентами-юристами. Три года назад вела курс судебной практики в университете Флориды. Ничего так резюме, правда? Лучше, чем у среднестатистического окружного судьи. Активов не густо. Дом в центре Стерлинга оценивается в 230 тысяч, построен семьдесят лет назад, закладная – 110 тысяч. Собственность оформлена на Макдоувер – это ее девичья фамилия. Судья вернула ее себе после развода. С 1998 года не замужем, детей нет, в брак больше не вступала. Данные о принадлежности к церкви, клубам, ассоциациям выпускников, политическим партиям отсутствуют. На юриста училась в Стетсонском университете, была там одной из лучших студенток. До этого отучилась в университете Северной Флориды в Джэксонвилле. Здесь есть кое-что о разводе с мужем-врачом, но не будем тратить на это время.

Лейси внимательно слушала, время от времени отпивая из стакана с кофе.

– Если Майерс прав, она получает долю с индейского казино. В это трудно поверить, верно? Окружная судья, народная избранница, пользуется большим уважением…

– Действительно! Мы повидали судей, делающих странные вещи, но чтобы до такой степени…

– Как бы ты это объяснил? Какой у нее мотив?

– Это ты незамужняя женщина, работающая в сфере юриспруденции. Ты и отвечай.

– Не могу. Есть другие памятки?

Хьюго порылся в портфеле и достал еще бумаги.

Сельский округ Брэдфорд встретил их указателями тюрем и исправительных заведений. Перед городком Старк с населением 5 тысяч человек они свернули и поехали к тюрьме штата Флорида, где отбывали заключение 15 тысяч осужденных, в том числе четыреста ожидающих исполнения смертного приговора.

По количеству смертников Флорида уступала только Калифорнии. На третьем месте, поджимая лидеров, находился Техас, но там старались сократить цифру, которая колебалась вокруг 330. Калифорния, не торопившаяся с казнями, набирала 650 смертников. Флорида стремилась стать вторым Техасом, но на пути к вожделенной цели вставали апелляционные суды. Годом раньше, в 2011 году, в тюрьме Старк смертельную инъекцию сделали всего одному человеку.

Оставив машину на заполненной стоянке, расследователи зашагали к зданию администрации. Для них как для юристов штата процедура посещения была облегчена. Быстро миновав пропускные пункты, они заторопились за охранником, перед которым немедленно открывались все двери. В корпусе Q, известном тем, что там содержали всех смертников Флориды, их пропустили через очередной контрольный пункт и ввели в длинную комнату. На двери висела табличка «Совещания с адвокатами». Охранник открыл еще одну дверь в маленькое помещение, разделенное пополам прозрачной пластмассовой перегородкой.

– Первый раз в корпусе для смертников? – спросил охранник.

Лейси ответила «да».

– Я уже был один раз, когда учился на юриста, – сказал Хьюго.

– Отлично. Форму согласия оформили?

– Она у меня. – Хьюго поставил на стол портфель и расстегнул на нем молнию. Интересы Джуниора Мейса представляла крупная юридическая фирма из Вашингтона. Перед беседой с ним Лейси и Хьюго были обязаны заверить эту фирму, что не станут обсуждать вопросы текущего дела о законности ареста. Хьюго достал бумагу, охранник внимательно ее прочел, не нашел, к чему придраться, отдал бумагу Хьюго и сообщил:

– Предупреждаю, Мейс – странный субъект.

Лейси отвернулась, не желая комментировать эти слова. Ночью, отчаявшись уснуть – слишком много всячины ворочалось в голове, – она прочла в Интернете несколько статей о флоридской тюрьме для смертников. Каждый из здешних заключенных 23 часа в сутки находился в одиночной камере. Один час отводился на отдых – прогулку под солнцем по маленькой, поросшей травой лужайке. Размер одиночной камеры – шесть на девять футов, потолок – девять футов. Узенькая койка, в нескольких дюймах от нее – унитаз из нержавейки. Ни кондиционера, ни сокамерника, почти никакого человеческого общения, не считая болтовни с надзирателями, разносящими еду.

Если Джуниор Мейс не являлся «странным» до того, как угодил сюда пятнадцать лет назад, то сейчас ему можно было простить любые причуды. Полная изоляция ведет к угнетенности чувственного восприятия и ко всевозможным проблемам с рассудком. Специалисты по исправлению начинали это понимать, отчего набирало силу движение против практики одиночного заключения. Правда, до Флориды оно еще не добралось.

Дверь по другую сторону открылась, и вошел надзиратель. За ним брел Джуниор Мейс в наручниках и в стандартном облачении заключенного-смертника: синие тюремные штаны и оранжевая футболка. Следом за ним в комнату вошел еще один надзиратель. Сняв с него наручники, надзиратели вышли.

Джуниор Мейс сделал два шажка и сел за столик на своей половине. Посетителей от него отделяла пластмассовая перегородка. Хьюго и Лейси тоже сели. Первые секунды все трое чувствовали себя не в своей тарелке.

Ему было пятьдесят два года. Волосы – длинные, густые, седые – он завязал в хвост на затылке. Смуглая кожа не посветлела от жизни в изолированном помещении. Большие карие глаза глядели печально. Он был высоким, поджарым, с накачанными бицепсами – наверное, усердно отжимается, решил Хьюго. Согласно делу, его жене Эйлин к моменту гибели исполнилось 32 года. У них имелось трое детей, которых после ареста Джуниора взяли на воспитание родственники.

Лейси подняла одну из телефонных трубок на их стороне комнаты и проговорила в нее:

– Спасибо, что согласились с нами встретиться.

Джуниор, держа в руке трубку, молча пожал плечами.

– Не знаю, получили ли вы наше письмо. Мы работаем в Комиссии штата по проверке действий судей и расследуем деятельность судьи Клаудии Мак-доувер.

– Я получил, – сказал он. – Вот он я. Я согласился встретиться. – Заключенный говорил медленно, как будто обдумывал каждое слово.

– Мы здесь не для обсуждения вашего дела, – вступил в разговор Хьюго. – В этом мы вам не помощники, и потом, у вас хорошие адвокаты из Вашингтона.

– Я до сих пор жив. Наверное, они выполняют свою работу. Что вы от меня хотите?

– Информации, – ответила Лейси. – Имен людей, с которыми мы могли бы поговорить. Тех таппаколов, кто на правильной, на вашей стороне. Для нас это другой мир, нельзя просто так туда заявиться и начать задавать вопросы.

Джуниор прищурил глаза и втянул губы – больше всего это походило на улыбку наоборот. Глядя на них, он кивнул и заговорил:

– Тут такое дело. Мою жену и Сона Разко убили в 1995 году. Мне вынесли приговор в 1996-м, заковали в наручники и увезли в фургоне. Это было до строительства казино, и я не уверен, что могу вам помочь. Им надо было убрать меня и Сона, прежде чем начать строить. Вот и убили Сона и мою жену, а вину повесили на меня.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросил Хьюго.

Теперь Джуниор по-настоящему улыбнулся – растянул рот, хотя глаза остались суровыми.

– Мистер Хэтч, – медленно произнес он, – я шестнадцать лет твержу, что не знаю, кто убил мою жену и Сона Разко. Кто-то со стороны, не иначе. Наш

тогдашний вождь был хороший человек, но он продался. Чужаки взяли его в оборот, уж не знаю как, только без денег не обошлось, и он решил, что ответом на все будет казино. Мы с Соном боролись и победили на первом голосовании в 1993-м. Они надеялись на выигрыш и уже приступили к земляным работам, чтобы побыстрее начать зарабатывать на казино и окрестных землях. Когда наши люди в первый раз отказались пойти у них на поводу, они решили избавиться от Сона. И от меня заодно. Придумали, как это сделать. Сон умер, я здесь. Казино вот уже десять лет штампует им деньги.

– Вам знакомо такое имя – Вонн Дьюбоз? – спросила Лейси.

Джуниор как будто отпрянул назад и выдержал паузу. Было очевидно, что ответ станет утвердительным, поэтому, услышав «нет», оба сделали пометки в блокнотах – будет что обсудить на обратном пути.

– Не забывайте, я уже давно не там, – выдавил он. – Пятнадцать лет одиночества выедают душу, ум, дух. Я уже не тот, не всегда помню то, что, казалось бы, должен помнить.

– Вы бы не забыли Вонна Дьюбоза, если бы знали его, – поднажала Лейси.

Джуниор сжал челюсти и покачал головой:

– Нет, не знаю такого.

– Полагаю, вы невысокого мнения о судье Макдоувер, – заметил Хьюго.

– Это очень мягко сказано. Она председательствовала на шутовском суде и постаралась вынести обвинительный приговор невиновному. Конечно, она отпирается. Я всегда подозревал, что она знает больше, чем ей полагается. Это был кошмар, мистер Хэтч. С того момента, как мне сказали, что жена мертва, Сон тоже. Потом мне предъявили обвинение, арестовали, упекли в тюрьму. К тому времени систему заточили против меня, и все, на кого падал мой взгляд, были против меня: полицейские, обвинители, судья, свидетели, присяжные. Система прожевала меня и выплюнула. Я глазом не успел моргнуть, как меня подставили, осудили, приговорили и зашвырнули сюда.

– От чего отпирается судья? – спросила Лейси.

– Не хочет признавать правду. Думаю, она знает, что я не убивал Сона и Эйлин.

– Сколько людей знают правду? – поинтересовался Хьюго.

Джуниор положил трубку на стол и стал тереть глаза, как будто не спал несколько ночей. Потом запустил правую пятерню в густые волосы, до самого хвоста на затылке. Медленно подняв трубку, он ответил:

– Мало кто. Большинство считают меня убийцей. Они верят в эту басню. Почему бы нет? Суд вынес приговор, и я гнию здесь заживо и жду, пока в меня вгонят иглу. Рано или поздно это случится, тогда меня вернут в округ Брансуик и где-нибудь зароют. А басня продолжит жить. Джуниор Мейс застал жену с другим мужчиной и в приступе гнева убил обоих. Хороша история, разве нет?

На это нечего было сказать. Лейси и Хьюго строчили в блокнотах и одновременно придумывали следующий вопрос. Молчание нарушил сам Джуниор:

– Чтоб вы знали: для адвокатского визита нет ограничений во времени. Если вы не спешите, то можете не сомневаться, я тем более не тороплюсь. В моей клетке сейчас та еще жара, маленький вентилятор без толку месит горячий воздух. Для меня это приятная передышка, я всегда вам рад, когда будете поблизости.

– Спасибо, – сказал Хьюго. – Вас часто навещают?

– Реже, чем хотелось бы. Иногда дети заглядывают, но это тяжелые визиты. Я годами их сюда не пускал, а они взяли и выросли. Теперь у них свои семьи. Даже дедом меня сделали, но внуков я ни разу не видел вживую. Только фотографии, у меня все стены ими увешаны. Как вам это понравится? Четверо внуков, а я к ним еще ни разу не притронулся.

– Кто вырастил ваших детей? – спросила Лейси.

– Моя мать помогала, пока была жива. В основном мой брат Уилтон с женой, они очень старались. Положения хуже этого не придумать. Представьте, вы –

ребенок, у которого убили мать. Все говорят, что это сделал ваш отец. Теперь он сидит в камере смертников.

– Ваши дети считают вас виновным?

– Нет. Им рассказали правду Уилтон и моя мать.

– Уилтон согласится с нами поговорить? – поинтересовался Хьюго.

– Не знаю. Попробуйте. Не уверен, что он захочет в это лезть. Поймите, наши люди живут теперь хорошо, гораздо лучше, чем раньше. Сейчас, оглядываясь назад, я уже не уверен, что мы с Соном были правы, когда воевали против казино. Оно дало работу, школы, дороги, больницу, процветание, о каком наши и мечтать не могли. Когда таппаколу исполняется восемнадцать лет, он или она начинает получать по пять тысяч долларов в месяц, и так до конца жизни. Сумма может еще подрасти. Называется «дивиденды». Даже я, сидя здесь, в камере смертников, получаю эти дивиденды. Я бы откладывал их для своих детей, но им без надобности. Ну, так я перевожу деньги своим адвокатам в Вашингтон – что еще я могу для них сделать? Когда они занялись моим делом, системы дивидендов еще не существовало, никаких денег они от меня не ждали. Каждый таппакол имеет бесплатную медицину, бесплатное образование, даже оплату учебы в колледже, если захочет. У нас собственный банк и низкопроцентные займы на приобретение машин и домов. Говорю же, там теперь чудесная жизнь, не то что раньше. Это хорошая сторона. Есть и плохая: серьезные проблемы с мотивацией, особенно у молодежи. Зачем учиться в колледже, зачем делать карьеру, если тебе гарантирован пожизненный доход? Зачем пытаться найти работу? Казино предоставляет работу половине взрослых людей племени – вот вам постоянный источник трений. Кому достанется непыльная работенка, а кому нет? Здесь и внутренняя борьба, и всякие козни, и даже политика. Но в целом племя понимает, что ему ужасно повезло. Зачем раскачивать лодку? Зачем кому-то за меня переживать? Зачем Уилтону помогать вам сковырнуть судью-мошенницу, если от этого всем будет один вред?

– Вы знаете о коррупции в казино? – спросила Лейси.

Мейс снова положил трубку, опять взъерошил себе волосы, как будто напряженно взвешивал ответ. Его колебания наводили на мысль, что он борется не с истиной, а с тем, какой ее вариант выбрать. Взяв, наконец, трубку, он

ответил:

– Я же говорю, казино открылось через несколько лет после того, как меня сюда посадили. Я ни разу его не видел.

– Бросьте, мистер Мейс! – сказал Хьюго. – Сами же говорите, племя у вас маленькое. Большое казино для горстки людей. Какие тут могут быть секреты? Наверняка до вас доходят слухи.

– Вот вы их мне и перескажите.

– Слухи о деньгах, которые выносят в заднюю дверь. По оценкам, сейчас казино «Трежеар Ки» приносит по полмиллиарда в год, девяносто процентов выручки – это наличные. По сведениям одного нашего источника, организованная банда преступников сговорилась с главными индейцами и знай себе снимает толстенную пенку. Ничего об этом не слышали?

– Одно дело слышать слухи, другое – что-то знать.

– Тогда кто знает? – поинтересовалась Лейси. – К кому нам обратиться?

– У вас наверняка хороший источник, иначе вы бы сюда не пришли. К нему и обращайтесь.

Лейси и Хьюго переглянулись, дружно представив себе Грега Майерса, болтающегося на волнах где-то у Багам с холодным пивом в руке под Джимми Баффета из стереоколонок.

– Может, и вернемся – потом, – согласился Хьюго. – А пока нам нужен кто-то на месте, кто-то, знакомый с казино.

Мейс покачал головой:

– У меня один источник – Уилтон, а он говорит немного. Не уверен, что он много знает. Во всяком случае, сюда, в Старк, проникают сущие крохи.

– Можете позвонить Уилтону и сказать ему, что с нами можно разговаривать? – спросила Лейси.

– Что я этим приобрету? Я вас не знаю. Не знаю, можно ли вам доверять. Уверен, что у вас добрые намерения, но вы можете оказаться в ситуации, которую не сумеете контролировать. Даже не знаю… Мне надо подумать.

– Где живет Уилтон? – спросил Хьюго.

– В резервации, недалеко от казино. Пытался устроиться туда работать, но его не взяли. Среди моих родственников нет работников казино. Их туда не берут. Политика, чего вы хотите!

– Вашей родне мстят?

– Еще бы! Те, кто выступал против казино, занесены в черный список и о работе там могут не мечтать. Чеки они получают, и на том спасибо, а работы им не видать.

– Как эти люди относятся к вам? – спросила Лейси.

– Как я сказал, большинство верит, что я убил Сона, их предводителя, и не могут мне сочувствовать. Ну а сторонники казино с самого начала меня ненавидели. Ясное дело, я у своего народа непопулярен. За это расплачивается моя родня.

– Представим, что судья Макдоувер разоблачена, коррупция доказана. Вам это поможет?

Мейс медленно поднялся, с трудом потянулся, прошелся до двери, вернулся и снова сел. Сидя, он снова потянулся, похрустел запястьями и взял трубку.

– Это вряд ли. Мой процесс был давным-давно. Отличные адвокаты подробно разобрали в порядке апелляции вынесенный судьей приговор. Мы считаем, что несколько ее решений ошибочны. Будь наша воля, новый процесс назначили бы еще десять лет назад, но все апелляционные суды встали на ее сторону. Не единодушно, правда: все решения по моему делу принимались не единогласно, у меня было много сторонников. Но большинство есть большинство, поэтому я

здесь. Оба тюремных доносчика, обеспечившие мне обвинительный приговор, пропали много лет назад. Это для вас новость?

– Я читала об этом в памятке, – ответила Лейси.

– Причем пропали одновременно, – добавил Мейс.

– Что вы об этом думаете?

– Есть две версии. Одна, лучшая, – что обоих убрали вскоре после вынесения приговора. Оба – профессиональные преступники, законченные лгуны, убедившие присяжных, что я хвастался совершенным двойным убийством. С доносчиками ведь какая штука: они часто идут на попятный. Так что первая версия – что настоящие убийцы ликвидировали их, не дав передумать. Я придерживаюсь ее.

– А вторая версия? – спросил Хьюго.

– Что их из мести убрали мои соплеменники. Мне это сомнительно, но совсем невероятным это не назовешь. Там кипели такие страсти, что могло произойти что угодно. В общем, оба доносчика пропали, уже много лет их никто не видел. Надеюсь, они мертвы. Это из-за них я здесь.

– Нам не положено обсуждать ваше дело, – спохватилась Лейси.

– А мне больше нечего обсуждать. Кому какое дело? Сейчас все для всех доступно.

– Получается по меньшей мере четыре трупа, – сказал Хьюго.

– По меньшей мере.

– Что, есть еще? – насторожилась Лейси.

Джуниор закивал – то ли это был утвердительный ответ, то ли нервный тик.

– Это смотря как копать, – проговорил он наконец.

Глава 6

Первое здание суда, построенное налогоплательщиками округа Брансуик, сгорело дотла. Второе взорвали. После урагана 1970 года окружные власти утвердили проект, в котором было много кирпича, бетона и стали. Результатом стал кошмарный трехэтажный ангар в советском стиле с редкими окнами и немедленно начавшей протекать крышей. В то время округ, расположенный на полпути между Пенсаколой и Таллахасси, являлся малонаселенным, его пляжи были еще свободны от хаотической застройки и суеты. По переписи 1970 года в округе проживало 8100 белых, 1570 черных и 411 коренных американцев. Через несколько лет после открытия «нового суда», как прозвали это здание, побережье флоридского «отростка» вдруг ожило: девелоперы принялись возводить здесь кондоминиумы и отели. «Изумрудное побережье» с его бесконечными широкими и нетронутыми пляжами обрело небывалую популярность. Население выросло, и в 1984 году округу Брансуик пришлось расширить здание своего суда. Верный стилю пост-модерн, он прилепил к суду странную фаллосообразную пристройку, многим напомнившую злокачественное разрастание. Недаром местные жители прозвали ее «опухолью» – вопреки официальному термину «крыло». Еще через двенадцать лет ввиду продолжившегося роста населения округ прирастил к своему «новому суду» еще одну «опухоль», теперь с другой стороны, и объявил, что отныне готов к любым вызовам времени.

Главным городом округа был Стерлинг. Браунсуик и два соседних округа образовывали 24-й судебный округ Флориды. Один из двух окружных судей, Клаудия Макдоувер, работала в Стерлинге, поэтому распоряжалась в здании суда она. Все чиновничество округа признавало ее солидность и влиятельность и ходило вокруг нее на цыпочках. Ее просторный кабинет располагался на третьем этаже, из окон которого открывался приятный вид. Клаудия терпеть не могла это здание и мечтала о дополнительной власти, чтобы снести его и построить новое. Но это были только мечты.

Проведя спокойный день за рабочим столом, она предупредила секретаршу, что уйдет в четыре часа – для нее это было ранним уходом. Робкая вышколенная

секретарша не стала задавать вопросов. Никто никогда не спрашивал Клаудию Макдоувер о причинах ее поступков.

Она села в свой «лексус» последней модели, выехала из Стерлинга и направилась на юг. Через двадцать минут она подрулила к широкой подъездной аллее «Трежеар Ки», которое называла про себя «своим» казино. Клаудия была убеждена, что казино существовало только благодаря ее усилиям. Пожелай она его закрыть – оно бы уже завтра оказалось закрыто. Но такое ни за что не должно было случиться.

Она поехала вдоль ограды, как всегда, с улыбкой любуясь заполненными автостоянками, автобусами-шаттлами, развозящими игроков в отели и забирающими их оттуда, ослепительной неоновой рекламой выдохшихся певцов кантри и дешевых цирковых представлений. Ей было чему радоваться. Индейцы процветали. У людей имелась работа. Люди развлекались. Семьи приезжали отдохнуть. «Трежеар Ки» было чудесным местом, и то, что ей причиталась лишь небольшая доля его дохода, ничуть ее не огорчало.

В эти дни у Клаудии Макдоувер не было никаких причин для огорчения. За семнадцать лет она заработала себе твердую репутацию и могла не беспокоиться за свое место и рейтинг. Одиннадцать лет «участия» в прибылях казино сделали ее невероятно богатой, ее активы, надежно спрятанные по всему миру, увеличивались месяц за месяцем. Да, люди, с которыми приходилось иметь дело, были ей неприятны, но их мошенничество оставалось скрытым для внешнего мира. Никаких следов, ни малейших улик. Жульническая система работала как часы все одиннадцать лет с момента открытия казино.

Клаудия въехала в ворота, за которыми располагался шикарный гольф-клуб и жилой комплекс «Рэббит Ран». В нем ей – через оффшорные компании – принадлежали четыре кондоминиума. Один она держала для себя, три другие сдавала через своего поверенного. Ее гнездышко на четвертой гольф-лужайке представляло собой двухэтажную крепость с бронированными дверями и окнами. Несколько лет назад, укрепляя эту оборону, она ссылалась на необходимость «выдержать ураган». В ее небольшой спальне было устроено хранилище площадью десять на десять футов с бетонными стенами и противопожарной и прочей сигнализацией. Здесь Клаудия держала кое-какие носимые ценности: деньги, золото, драгоценные украшения. Некоторые предметы не относились к категории носимых: две литографии Пикассо, египетская урна давностью 4 тысячи лет, фарфоровый чайный сервиз древней

династии, коллекция редких первых изданий романов XIX века. Дверь в спальню была спрятана за вращающимся книжным шкафом, поэтому случайный человек не нашел бы ни спальни, ни хранилища. Впрочем, случайных людей в кондоминиуме не бывало. Редкому гостю предлагалось посидеть во внутреннем дворике, тогда как само «гнездышко» не предназначалось ни для выпивки, ни для посещения, ни даже для жизни.

Клаудия раздвинула шторы и взглянула на поле для гольфа. Стояли самые жаркие августовские дни – при такой жаре и влажности поле пустовало. Судья налила в чайник воды. Пока вода кипятилась, она сделала два телефонных звонка адвокатам, занятых делами, ожидавшими решения в ее суде.

В пять, с минутной точностью, появился ее гость. Они всегда встречались в первую среду месяца ровно в пять вечера. Иногда, если Клаудия находилась за границей, они договаривались иначе, но так случалось нечасто. Они всегда общались лицом к лицу, в ее кондоминиуме, где не нужно было опасаться ни подслушивания, ни какого-либо наблюдения. К телефону они прибегали раз, от силы два в год. Принцип сводился к максимальной простоте и к стараниям не оставлять следов. Им ничего не угрожало, так было с самого начала, но они предпочитали не рисковать.

Клаудия пила чай, Вонн – водку со льдом. Он пришел с коричневой сумкой, которую, как всегда, положил на диван. В сумке лежали двадцать пять стянутых резинкой пачек 100-долларовых купюр, по 10 тысяч в каждой. Ежемесячная «пенка» составляла полмиллиона, и они, насколько она знала, делили ее поровну. Клаудия годами гадала, сколько Вонн на самом деле забирает у индейцев, но поскольку грязную работу делал он, дальше гадания дело не шло. Со временем она удовлетворилась своей долей. Поче- му нет?

Клаудия была избавлена от подробностей. Как именно откладывалась наличность? Как удавалось уводить ее из отчетности, как утаивалась их «пенка»? Кто именно в глубинах казино забирал добычу и оставлял ее для Вонна? Куда он за ней ездил? От кого получал? Сколько людей приходилось ради этого подкупать? Ничего этого Клаудия не знала. Как и того, как он поступал со своей долей наличности, – все это никогда не обсуждалось.

Она ничего не знала – и не желала знать – о его банде. Она имела дело только с Вонном Дьюбозом и иногда с Хэнком, его верным помощником. Вонн нашел ее восемнадцать лет назад, когда Клаудия скучала в маленьком городе, пытаясь

заработать на достойную жизнь адвокатской практикой и планируя месть бывшему мужу. У Вонна созрел великий план массовой застройки, горючее для которого должно было качать казино на индейской земле, но на его пути стоял старый судья. Избавившись от судьи и еще от парочки обструкционистов, Вонн мог бы пустить в ход бульдозеры. Он предложил профинансировать ее кампанию и сделать все необходимое для ее избрания.

Ему было под семьдесят, но нельзя было дать больше шестидесяти. Всегда загорелый, в цветастых рубашках для гольфа, он сошел бы за состоятельного пенсионера, наслаждающегося хорошей жизнью под солнцем Флориды. Дважды разведен, давно живет один. Когда Клаудия стала судьей, Вонн начал за ней ухаживать, но она не проявила к этому интереса. Он был старше ее на пятнадцать лет – не так уж сильно, но искра не высеклась, ничего не поделаешь. Тогда, в 39 лет, Клаудия постепенно привыкала к тому, что предпочитает мужчинам женщин. И потом, если уж честно, она находила его скучным. Необразованный, интересуется только рыбалкой, гольфом, строительством очередного «стрип-молла» или поля для гольфа; главное, ее всегда отпугивала темная сторона его натуры.

Ходившие годами слухи, все новые всплывавшие подробности, апелляционные суды порождали все больше вопросов. Клаудия начала сомневаться, что Джуниор Мейс действительно убил свою жену и Сона Разко. До и во время суда она была убеждена в его виновности и хотела добиться правильного вердикта от присяжных, своих недавних избирателей. Но со временем и с накоплением опыта у нее крепли сомнения. Что ж, ее работа судьи первой инстанции давно была сделана, и теперь она мало чем могла помочь восстановлению справедливости. Да и чего ради? Сон и Джуниор провалились в небытие. Появилось казино. На жизнь она не жаловалась.

Но если Джуниор не убийца, то пули в голову Сону Разко и Эйлин Мейс всадил кто-то из банды Вонна, а потом кто-то организовал исчезновение двух тюремных доносчиков, обеспечивших Джуниору обвинительный приговор. Как ни изображала Клаудия напускную храбрость, она до смерти боялась Дьюбоза и его головорезов. Всего один раз десять лет назад им пришлось друг на друга орать, и тогда она его убедила, что если с ней что-то случится, Вонн будет немедленно разоблачен.

За годы у них сложились цивилизованные отношения взаимного недоверия, в которых каждый играл четко прописанную роль. В ее власти было издать по

любой притянутой за уши причине судебное постановление о закрытии казино, и все доказывало, что Клаудия не побоится это сделать. На Вонне лежала вся грязная работа, это он держал в узде таппаколов. Они месяц за месяцем гарантировали друг другу процветание и обогащение. Оставалось удивляться – или убеждаться, какая может родиться сердечность и как можно махнуть рукой на подозрения по единственной причине – больших поступлений наличности.

Они сидели во внутреннем дворике, наслаждались тенью и прохладой, тянули напитки и поглядывали на пустую лужайку для гольфа, погруженные в мысли о своих удачных деловых схемах и невероятном богатстве.

– Как поживают «Северные Дюны»? – спросила Клаудия.

– Продвигаются, – ответил Вонн. – На следующей неделе соберется комиссия по зонированию и, как ожидается, даст зеленый свет. Через два месяца земляные работы будут в полном разгаре.

«Северные Дюны» были последним прибавлением в его гольф-империи: 36 лунок, озера и пруды, шикарные кондоминиумы и еще более шикарные особняки, а посредине всей этой роскоши – затейливый бизнес-центр с городской площадью и амфитеатром. Все это на расстоянии всего одной мили от пляжа.

– Контролеры взяли под козырек? – задала Клаудия глупый вопрос. Не одна она получала от Дьюбоза деньги, в округе получателей набиралось немало.

– Четверо против одного, – сказал он. – Поули, конечно, против.

– Почему ты от него не избавишься?

– Нет, без него никак, иначе все покажется слишком просто. Четверо против одного – наилучший расклад.

В этой части страны можно было бы обойтись и без подкупа. Достаточно предложить любой вариант развития, от комфортабельных жилых комплексов до простеньких торговых центров, сочинить толстую брошюру с полуправдой под названием «экономический рост», наобещать налоговые поступления и

рабочие места – и выборные чиновники торопливо штамповали согласие. От того, кто заговаривал об охране природы, избыточной транспортной нагрузке и переполненных школьных классах, отмахивались как от либералов, любителей обниматься с деревьями или, что хуже всего, как от «северян». Вонн овладел этой игрой уже много лет назад.

– Как насчет ДК? – спросила Клаудия. Речь шла о дополнительном кондоминиуме.

– Разумеется, ваша честь. На поле для гольфа или многоэтажка?

– Сколько этажей?

– Сколько тебе нравится?

– Чтобы был виден океан. Можно?

– Никаких проблем. В здании десять этажей, и Залив в ясный день будет виден уже с пятого.

– Это мне нравится: вид на океан. Не пентхаус, но что-то близкое к этому.

Идею дополнительного кондоминиума довел до совершенства легендарный флоридский девелопер «Кондо» Конрой. В разгар борьбы с наглым проектом небоскреба на океанском берегу устраивалась чехарда планов и схем, возникала путаница проектов, и в результате появлялся дополнительный кондоминиум, о котором ничего не знала комиссия по зонированию. Ему можно было найти дюжину применений, сплошь незаконных. Вонн научился этому фокусу, и у его карманной судьи набрался за годы целый портфель таких ДК. Клаудия получала отчисления и от законного бизнеса: торгового центра, аквапарка, двух ресторанов, нескольких небольших отелей. Кроме того, она владела землями, на которые еще не заезжали бульдозеры.

– Тебе подлить? – спросила она. – Надо обсудить еще две вещи.

– Я сам. – Вонн встал и подошел к кухонной стойке, где у хозяйки стояли крепкие напитки – сама она никогда к ним не притрагивалась. Налив себе стакан, он

добавил два кубика льда и вернулся в кресло. – Слушаю тебя.

Клаудия сделала глубокий вдох: предстоял нелегкий разговор.

– Уилсон Ванго.

– Что с ним? – насторожился Дьюбоз.

– Сначала выслушай. Он сидит уже четырнадцать лет. Теперь он тяжело болен: эмфизема, гепатит, что-то с головой. Его неоднократно избивали и подвергали всевозможному насилию, отсюда повреждения головного мозга.

– Хорошо.

– Через три года его ждет досрочное условное освобождение. Его жена умирает от рака яичников, семья остро нуждается и так далее. Ситуация хуже не придумаешь. Кто-то добрался до губернатора, и теперь он готов скостить оставшийся Ванго срок, но только при моем согласии.

Вонн сверкнул глазами и поставил рюмку. Сердито тыча в нее пальцем, он ответил:

– Этот сукин сын нагрел одну из моих компаний на сорок тысяч. Я хочу, чтобы он сдох в тюрьме, желательно после нового нападения. Ты меня поняла, Клаудия?

– Остынь, Вонн. Ты просил дать ему максимальный срок, я дала. Видишь, сколько он сидит? Бедняга при смерти. Прояви снисхождение.

– Ни за что, Клаудия. Я никогда не проявляю снисхождения. Пусть радуется, что отделался тюрьмой, а не схлопотал дырку в башке. Ни хрена, Клаудия! Ванго не выйдет, и точка.

– Ладно, ладно. Выпей еще. Успокойся. Чего ты кипятишься?

– Я спокоен. Что еще ты надумала?

Клаудия отпила чаю и с минуту посидела молча. Решив, что гроза миновала, она заговорила:

– Знаешь, Вонн, мне уже пятьдесят шесть лет. Я семнадцать лет ношу мантию и подустала от этой работы. Это уже мой третий срок, оппозиции не предвидится, и после выборов в следующем году мне будут гарантированы двадцать четыре года судейства. С меня довольно. Филлис тоже собирается на пенсию, мы хотим попутешествовать по миру. Мне надоел Стерлинг и Флорида, ей – Мобил. Детей у нас нет, ничто нас не держит, почему бы не пуститься в вольный полет? Почему бы не потратить немного наших индейских денег? – Клаудия замолчала и впилась в него взглядом. – Что скажешь?

– То и скажу, что мне нравится все, как есть. В тебе что хорошо, Клаудия? Что тебя легко было купить и после этого ты безнадежно влюбилась в деньги. Прямо как я. С той разницей, что я рожден для коррупции, у меня это в генах. Я лучше буду красть деньги, чем зарабатывать. Ты-то была чистенькой, но перетянуть тебя на темную сторону оказалось до смешного просто.

– Нет, не чистенькой. Меня душила ненависть, я горела желанием унизить бывшего мужа. Я хотела отомстить, какая уж тут чистота!

– Штука вот в чем: я совсем не уверен, что смогу найти другого судью, которого будет так же легко купить.

– Так ли уж тебе сейчас нужен судья? Если я выйду из игры, то все, что приносит казино, будет поступать одному тебе. Просто и надежно! Политики у тебя в кармане. Ты проехался на бульдозерах по половине округа и вон сколько всего нагородил! Вполне очевидно – по крайней мере, для меня, – что теперь ты прекрасно обойдешься без платного судьи. Я просто устала от работы, и, честно говоря – хотя в нашей беседе такое слово звучит нелепо, – мне хочется хотя бы немного пожить открыто.

– В смысле секса или денег?

– Денег, дубина! – усмехнулась Клаудия.

Вонн с улыбкой подлил себе водки. Было видно, как он ворочает мозгами. На самом деле предложение пришлось ему по душе. Отпадал один лишний рот. И

какой прожорливый!

– Как-нибудь проживем, – бросил он.

– Прекрасно проживете! Я еще не совсем решила, просто хотела поделиться с тобой своими мыслями. Ну, устала я разводить супругов и присуждать пожизненное недорослям. Никому еще этого не говорила, одной Филлис.

– Можете доверять мне свои самые темные тайны, ваша честь.

– Вот это настоящий друг!

Вонн встал.

– Ну, мне пора. В это же время через месяц?

– Да.

Уходя, он забрал с собой пустую кожаную сумку, такую же, как та, с которой пришел, только намного легче.

Глава 7

Фамилия посредника была Коули. Он тоже был адвокатом, только его расставание с профессией было не таким ярким, как у его приятеля Грега Майерса. Коули удалось избежать огласки, быстро признав себя виновным в Джорджии и отказавшись от лицензии. Планов вернуть ее он не строил.

Они встретились в тихом дворике отеля «Пеликан» в Саут-Бич и за напитками просмотрели свежие документы.

В первых содержалась информация о поездках Клаудии Макдоувер за последние семь лет со всеми датами, маршрутами, продолжительностью пребывания и так далее. Она оказалась любительницей путешествовать, причем делала это

стильно, обычно пользуясь частными самолетом, хотя чартерные рейсы никогда не заказывались на ее имя. Всем этим занималась ее юрист Филлис Турбан, обращавшаяся, как правило, к одной из базировавшихся в Мобиле авиакомпаний. Минимум раз в месяц Клаудия ездила в Пенсаколу или в Панама-Сити, садилась в маленький реактивный самолет, на борту которого ее ждала Филлис, и летела на уик-энд в Нью-Йорк или Новый Орлеан. О том, чем они там занимались, сведений не было, но у «крота» имелись кое-какие соображения. Каждое лето Клаудия проводила две недели в Сингапуре, где у нее, скорее всего, был дом. В подобные длительные путешествия она отправлялась рейсами компании «Америкэн эйрлайнз», первым классом. По меньшей мере трижды в год она летала частным самолетом на Барбадос. Сопровождала ли ее в Сингапур и на Барбадос Филлис Турбан, было неясно, но «крот», часто звоня с сотовых телефонов с неотслеживаемыми номерами в офис Турбан в Мобиле, выяснил, что та во время пребывания Макдоувер за границей тоже отсутствует. Юрист всегда возвращалась на работу одновременно с судьей.

В одной из своих памяток «крот» писал: «В первую среду каждого месяца КМ покидает рабочее место немного раньше обычного и едет в кондоминиум в „Рэббит Ран“. Некоторое время определить, куда она ездит, не получалось, но прикрепленное снизу к ее заднему бамперу следящее устройство джи-пи-эс позволило решить эту проблему. Кондо расположено по адресу 1614D Фэрвей-Драйв. Как следует из земельного кадастра округа Брансуик, кондо дважды меняло хозяев и сейчас принадлежит компании, зарегистрированной в Белизе. Легко предположить, что в кондо она получает наличность из казино и улетает со всеми деньгами или с их частью. Развивая предположения, мы допустим, что на деньги приобретается золото, серебро, бриллианты, предметы коллекционирования. В Нью-Йорке и Новом Орлеане есть дилеры, принимающие наличные, но с большой торговой премией. Вывезти из страны бриллианты и драгоценные украшения не составляет труда. Наличность легко ежедневно отправлять посылками в любую часть мира, особенно на Карибы».

– Не нравятся мне все эти предположения, – сказал Грег. – Что ему известно точно?

– Ты шутишь? – ответил Коули. – Посмотри на график поездок. Тут все точно расписано за последние семь лет. К тому же этот парень явно разбирается в том, как отмываются денежки.

– Парень? Он мужчина?

– Я этого не говорил. Его или ее пол тебя не касается.

– Он или она – мой клиент.

– Прекрати, Грег. Мы же договорились!

– Чтобы так много знать, нужно находиться в постоянном контакте с судьей. Может, это ее секретарь?

– Однажды я слышал от него/нее, что Макдоувер увольняет секретарей раз в год-два. Хватит гадать, слышишь? «Крот» и так живет в страхе. Ты подал исковую жалобу?

– Да. Расследование началось, скоро они прижмут нашей старушке хвост. Вот когда дерьмо попадет на вентилятор! Представь ужас Макдоувер, когда она поймет, что ее песенка спета!

– Эта не будет паниковать – слишком хладнокровна и умна, – возразил Коули. – Привлечет своих адвокатов, мобилизует Дьюбоза, и уж тот себя покажет! Ты-то, Грег? Ты же подписал исковую жалобу. Утверждения исходят от тебя.

– Меня будет трудно опознать. Вспомни, я никогда не встречался ни с Макдоувер, ни с Вонном Дьюбозом. Они понятия не имеют о моем существовании. В стране тысяч восемнадцать Грегов Майерсов, и все с адресами, номерами телефона, семьями, работой. Где прикажешь Дьюбозу начинать поиск? И потом, стоит мне заметить малейшую тень – и я прыгну в свою лодчонку и растаю в океанской дали. Ему меня ни за что не найти. Почему «крот» живет в страхе? Его имя никогда не выплывет.

– Даже не знаю, Грег. Например, потому, что неуверенно себя чувствует в мире организованного преступного насилия. Или тревожится, что, вылив на Макдоувер ушат грязи, разоблачит себя.

– В общем, теперь уже поздно, – махнул рукой Грег. – Жалоба подана, колеса завертелись.

– Ты скоро дашь этому ход? – поинтересовался Коули, помахивая бумагами.

– Не знаю. Мне нужно время на размышление. Допустим, они смогут доказать, что судье нравится летать с партнершей частными реактивными самолетами. Велика важность! Адвокаты Макдоувер заявят, что здесь все чисто: Филлис оплачивает счета, Макдоувер не разбирает в суде никаких ее дел. В чем дело, в чем претензия?

– У Филлис Турбан в Мобиле маленькая лавочка. Готов поспорить, она имеет в год не больше ста пятидесяти тысяч. Самолет, который они нанимают, обходится в три тысячи в час, а их средний годовой налет – восемьдесят часов. Нехитрая математика, верно? На одни чартеры уходит в год четверть миллиона баксов – это только то, что мы знаем. Зарплата окружного судьи Макдоувер в этом году – сто сорок шесть тысяч. На двоих у них не хватит даже на горючее для самолета.

– Филлис Турбан – не объект расследования. Может, она и должна им стать, но до нее мне нет дела. Чтобы заработать на этом деле денег, мы должны ухватить действующего судью.

– Понял.

– Как часто ты видишься с «кротом»? – спросил Майерс.

– Не очень часто. Он/она в эти дни робеет, струсил до смерти.

– Тогда зачем ему/ей вообще в это соваться?

– Дело в ненависти к Макдоувер. И в деньгах. Я убедил нашего «крота», что это золотое дно. Очень надеюсь, все обойдется без трупов.

Лейси жила в квартире с двумя спальнями в жилом доме, получившемся из бывшего склада, неподалеку от кампуса университета штата Флорида и в пяти минутах езды от своей работы. Архитектор, перестраивавший склад, проделал фантастическую работу, и все двадцать квартир ушли на ура. Благодаря отцу, застраховавшему свою жизнь, и щедрости матери Лейси смогла внести крупный первоначальный взнос. Она подозревала, что ничего другого родители ей уже не подарят. Отец пять лет как умер, а мать, Энн Штольц, с возрастом становилась

все прижимистее. В свои без малого семьдесят лет она старела совсем не так, как хотелось Лейси. Она не отъезжала дальше пяти миль от своего дома, поэтому мать и дочь встречались все реже.

Единственным сожителем Лейси был Фрэнки, французский бульдог. С восемнадцати лет, когда она покинула родительский кров, чтобы поступить в колледж, Лейси никогда не жила с мужчиной. Собственно, этот соблазн никогда ее всерьез не манил. Десять лет назад единственный человек, которого она по-настоящему любила, как будто начал намекать на совместное проживание, но, как вскоре оказалось, он уже готовил бегство с замужней женщиной. Что и осуществил, причем скандальным образом. Правда заключалась в том, что в свои 36 лет Лейси была довольна жизнью в одиночестве: спала одна посреди кровати, убирала только за собой, сама зарабатывала и сама тратила собственные деньги, была сама себе хозяйка, строила карьеру, не оглядываясь на интересы спутника жизни, беспрепятственно планировала свои вечера, без помех решая, готовить ей или нет, и не имела других претендентов на пульт дистанционного управления телевизором. Где-то третья часть ее подруг успели развестись и жили ранеными, перепуганными, без желания, хотя бы пока, снова впускать в свою жизнь мужчину. Еще одна треть застряли в неудачных браках и мало надеялись на освобождение. Остальные, довольные отношениями, делали карьеру или рожали детей.

Ей эта арифметика совершенно не нравилась. Не нравилась уверенность общества, что она несчастна, потому что не нашла подходящего человека. Почему ее жизнь должна определяться тем, когда и с кем она вступит в брак? Лейси бесило само предположение, что ей одиноко. Раз она никогда не жила с мужчиной, то как ей горевать по такому сожительству? До чего же ей надоели шумные расспросы родни, особенно матушки и ее сестрицы, тети Труди! Ни один разговор с ними не обходился без вопроса, встречается ли она с кем-нибудь «всерьез».

«Кто сказал, что я ищу чего-то серьезного?» – был ее стандартный ответ. Как ни неприятно Лейси было признаваться даже себе, из-за этих разговоров она избегала общества матери и Труди. Ну, хорошо ей одной, не рыщет она в поисках своего Идеального Мужчины! Но они как раз поэтому считали ее неудачницей, достойной жалости именно из-за своего одиночества. Ее мать была безутешной вдовой, у Труди имелся ужасный муж, тем не менее они считали, что ее жизнь уступает их.

Что ж, избрала одиночество – изволь мириться с ошибочными умозаключениями окружающих.

Лейси налила себе еще зеленого чая без кофеина и приготовилась посмотреть какой-нибудь старый фильм. Но было уже почти десять вечера, завтра рабочий день, и следовало выспаться. Сейделл прислала по электронной почте две свежих памятки, и Лейси решила прочесть хотя бы одну, прежде чем переодеться в пижаму. Многолетний опыт свидетельствовал: писанина Сейделл действовала лучше любого снотворного.

Текст поменьше был озаглавлен: «Таппаколы: факты, цифры, слухи».

«Население. Не уверена, сколько именно насчитывается коренных американцев таппаколов. (Кстати, термин „коренные американцы“ – политкорректное изобретение белых невежд, предпочитающих пользоваться им, тогда как сами коренные американцы называют себя индейцами и смеются над теми, кто говорит иначе. Но я отвлеклась.) Согласно Бюро по делам индейцев, в 2010 г. их было 441, в 2000 г. – 402. Но „золотое дно“, которым оказалось казино, привело к новым демографическим явлениям, так как впервые в истории многим отчаянно захотелось стать таппаколами. Все дело в распределении доходов по схеме, называемой в обиходе „дивидендной“. Согласно показаниям Джуниора Мейса, любой таппакол начиная с 18-летнего возраста каждый месяц получает чек на 5000 долларов. Проверить это невозможно, так как об этом, как и обо всем остальном, племя никому не докладывает. Когда женщина выходит замуж, ее ежемесячные дивиденды по загадочным причинам уменьшаются вдвое.

Дивиденды сильно колеблются от племени к племени, от штата к штату. Много лет назад прославилось одно племя в Миннесоте, чье казино, приносившее около миллиарда долларов в год, принадлежало всего 85 людям. Ежегодные дивиденды каждого превышали миллион. Считается, что этот рекорд до сих пор не побит.

В США 562 признанных племени, из них только 200 завели у себя казино. Еще примерно 150 племен пытаются добиться признания, но у федеральных властей есть серьезные подозрения. Новым племенам предстоят тяжелые бои за признание. Многие критики утверждают, что их внезапная гордость наследием предков возникла исключительно от желания заняться игорным бизнесом.

Большинство индейцев ничего не имеют от этих богатств, многие по-прежнему прозябают в нищете.

Так или иначе, к таппаколам, как и к другим племенам, хлынули люди, утверждающие, что состоят с ними в родстве. Их подстегивает мечта о дивидендах. У племени есть комитет, изучающий и утверждающий родство. Чтобы соответствовать требованиям, нужно иметь не меньше одной восьмой доли крови таппаколов. Это приводит к сильным трениям.

Похоже, трения стали в этом племени обычным делом. Семь лет назад газета „Пенсакола Ньюс Джорнал“ писала, что в племени раз в четыре года проводятся выборы нового вождя и его совета из десяти человек. Очевидно, у вождя много власти в решении племенных дел, особенно относящихся к казино. Должно быть, это важный пост, недаром в то время вождь получал 350 тысяч в год. Кроме прочего, у вождя широкие полномочия по части найма; обычно он назначает в администрацию членов своей семьи, и они получают высокие зарплаты. Поэтому на выборах сильная конкуренция, вечные обвинения в подтасовках результатов голосования и в запугивании (наверное, научились у нас, некоренных). Еще бы, раз победитель получает все!

Теперешнего вождя зовут Элиас Кэппел (кстати, современные индейцы очень редко носят красочные имена прежних времен; в какой-то момент большинство приняло западные имена). Кэппела избрали вождем в 2005 году и через 4 года переизбрали повторно. Его сын Билли – член совета.

Племя распоряжается деньгами разумно: теперь у него современные школы, бесплатное медицинское учреждение – скорее поликлиника, чем больница, спортивные сооружения, детские сады, дороги и все остальное, обычно обеспечиваемое вменяемыми властями. Если выпускник школы хочет поступить в колледж, особый фонд берет на себя оплату его учебы, проживания и питания в высшем учебном заведении штата. Племя также расходует деньги на борьбу с пьянством и наркоманией и на лечение алкоголиков и наркоманов.

Как суверенная нация таппаколы пишут и защищают свои законы, не поощряя вмешательство извне. Констебль племени работает примерно как шериф округа, имея в распоряжении отряд обученных и экипированных полицейских. Активно действует собственное подразделение по борьбе с наркотиками. (При всей своей закрытости вождь и некоторые члены его совета не прочь поделиться выгодными для них фактами, при этом их излюбленной темой являются успехи в

поддержании законности.) Существует суд племени из трех судей, разбирающих споры и проступки. Назначает судей вождь, утверждает совет. Есть, конечно, и следственная тюрьма, и исправительное заведение для длительного заключения.

Таппаколы усиленно замалчивают возникающие в их среде споры и противоречия. „Пенсакола Ньюс Джорнал“ и в несколько меньшей степени „Таллахасси Демократ“ годами вынюхивают скандалы, пытаясь выведать, сколько племя зарабатывает и какая его фракция вершит всеми делами. Но обе газеты мало что выведали. Таппаколы – скрытный народ».

Как ни любопытно было все это читать, Лейси по привычке раззевалась. Переодевшись в пижаму, она исполнила свой обычный ритуал по подготовке ко сну при открытой двери ванной, в который раз радуясь, что ей некому помешать. Ближе к 23 часам – она уже почти уснула – зазвонил телефон. Лейси услышала голос Хьюго, как всегда, усталый.

– Не жду ничего хорошего, – буркнула она вместо приветствия.

– Правильно делаешь. Нам нужна помощь. Верна валится с ног, мне не лучше. Пиппин орет, как резаная, весь дом на уши поставила. Нам необходимо хотя бы немного поспать. Верна не хочет вызывать мою мать, я – ее. Как насчет неоценимой услуги?

– А как же, уже еду.

Это был третий ночной вызов после появления новорожденной, не считая вечернего сидения со всеми четырьмя детьми, чтобы Хьюго и Верна могли спокойно поужинать. Лейси быстро натянула джинсы и футболку и оставила Фрэнки в явном недоумении перед дверью. Гонка по пустым улицам в «Мидоус» – и она предстала перед Хэтчами через двадцать минут после их звонка. Верна встретила ее в дверях с примолкшей Пиппин на руках.

– Это, наверное, зубки, – прошептала она. – Мы трижды за неделю показывали ее доктору. Не спит, и все, ну что тут поделаешь?

– Где бутылочки? – спросила Лейси, осторожно забирая малышку у матери.

– На кофейном столике. В доме полный кавардак. Мне так стыдно! – Губы Верны кривились, в глазах стояли слезы.

– Брось, Верна, меня можно не стыдиться. Ступай в постель, попробуй уснуть. Утро вечера муд- ренее.

Верна чмокнула ее в щеку, сказала «спасибо» и уползла. Лейси услышала звук тихо затворяемой двери. Прижав к себе Пиппин, она заходила взад-вперед по захламленной детской, бормоча ласковые словечки и поглаживая бедняжку по спинке и попке. Спокойствие длилось недолго. При новом приступе рева Лейси сунула ей в ротик бутылочку с соской, опустилась в кресло-качалку и заворковала; это продолжалось до тех пор, пока малышка наконец не забылась. Через полчаса, когда ребенок крепко уснул, Лейси положила ее в переносную люльку-качалку и тихо включила колыбельную. Пиппин нахмурилась и завозилась; казалось, она сейчас снова примется надрываться, но вместо этого успокоилась и продолжила спать.

Немного погодя Лейси оставила ребенка и на цыпочках прошла в кухню. Включив верхний свет, она вздрогнула от зрелища первозданного хаоса. Мойка была переполнена грязной посудой, всюду громоздились кастрюли и сковородки, стол был завален пустыми коробками, ранцами и даже нестиранным бельем. Здесь требовалось как следует потрудиться, но это значило бы поднять шум, поэтому Лейси решила отложить уборку, пока семья не проснется. Выключив свет, она испытала счастливое чувство, которым ни с кем не могла поделиться: с улыбкой возблагодарила свою удачу, одиночество и блаженную необремененность.

Она соорудила себе гнездышко на диване рядом с малышкой и тоже уснула. В 3.13 Пиппин проснулась голодной и сердитой, но твердо отправленная ей в рот бутылочка с соской сделала свое дело. Лейси поменяла ей подгузник, еще поворковала, умаслила плаксу ласковым голосом и заставила уснуть, после чего сама проспала почти до шести часов.

Глава 8

Уилтон Мейс жил в разноуровневом доме из красного кирпича на гравийной дороге, в двух милях от казино. Он не проявил желания разговаривать по телефону, сказав, что сначала должен посоветоваться с братом. Назавтра он позвонил Хьюго и согласился встретиться. Он ждал в шезлонге у навеса для автомобиля, отгоняя мух и попивая чай со льдом. День выдался облачный и не слишком жаркий. Он предложил Лейси и Хьюго сладкого чаю, те отказались. Он указал на другие два шезлонга, и они сели. На заднем дворике в пластмассовом бассейне-корыте плескался под бабушкиным надзором годовалый ре- бенок.

Уилтон был на три года моложе Джуниора, но мог сойти за его близнеца: смуглая кожа, еще более темные глаза, длинные седые волосы почти до плеч. Он говорил низким голосом и, казалось, взвешивал, превосходя обстоятельностью даже Джуниора, не просто каждое слово, а каждый слог.

– Это ваш внук? – спросила Лейси, чтобы самой сломать лед, раз Уилтон не порывался этого сделать.

– Внучка, первая. А это моя жена Нелл.

– На той неделе мы познакомились в Старке с Джуниором, – сообщил Хьюго.

– Спасибо, что навестили брата. Я бываю у него два раза в месяц и знаю, что это не лучшее развлечение. Собственный народ забыл Джуниора, и это тяжело вынести, особенно когда ты такой гордец, как Джуниор.

– По его словам, большинство таппаколов верит, что он убил жену и Сона Разко, – сказала Лейси.

Уилтон опустил голову, а потом проговорил:

– Так и есть. Удобная история, ее легко повторять, легко запомнить. Джуниор застал их в постели и прикончил.

– Насколько мы понимаем, вы говорили с ним после нас? – уточнил Хьюго.

– Да, вчера. Ему дают двадцать минут в день на телефонные разговоры. Он мне рассказал, что у вас за дело.

– Джуниор говорит, что вы хотели устроиться работать в казино, но не получилось. Можете объяснить, почему? – поинтересовалась Лейси.

– Запросто. Племя раскололось на две части, и обе части серьезно окопались. Это продолжается с голосования об азартных играх. Выигравшие построили казино, их вождь всем заправляет, включая наем и увольнения. Я оказался на неправильной стороне, поэтому работы мне не видать. В казино трудятся две тысячи человек, большинство – пришлые. Таппаколы, желающие работать, должны быть политически благонадежными, иначе – мимо кассы.

– Обида еще свежа? – спросил Хьюго на- прямик.

Уилтон закряхтел, потом улыбнулся.

– Можно подумать, что мы – два племени, которые развела кровная вражда. Никто не делает попыток примирения. Это никому не нужно.

– По словам Джуниора, они с Соном напрасно боролись с казино, потому что оно принесло племени много пользы, – заметила Лейси. – Вы с этим согласны?

Уилтон долго молчал, собираясь с мыслями. Его внучка подняла плач и была унесена в дом. Он хлебнул чаю и ответил:

– Как ни трудно признать свою неправоту, я сознаюсь: да, мы были не правы. Казино вытащило нас из нищеты, дало нам много хороших вещей, все это – один большой плюс. Мы стали счастливее, здоровее, наше положение надежно. Чужие съезжаются сюда и отдают нам свои деньги – очень вдохновляющее зрелище и чувство! Нам кое-что возвращается, это как возмездие. Правда, некоторые из нас переживают, что наша жизнь основана на подачках. От безделья недалеко до беды. Мы стали больше пить, наши дети употребляют наркотики.

– Если жизнь стала богаче, почему не рождается больше детей? – спросил Хьюго.

– По глупости. В совете тон задают идиоты, и правила они пишут идиотские. Когда женщине исполняется восемнадцать лет, она начинает получать по пять тысяч в месяц, и так происходит уже не первый год. Если она выходит замуж,

чек уменьшается вдвое: например, моя жена получает две с половиной тысячи. Поэтому наши молодые женщины все чаще отмахиваются от замужества. Мужчины пьют и безобразничают, так зачем женщинам мужья, когда одиночкам платят вдвое больше? Есть еще предположение, что чем меньше нас останется, тем больше будут получать выжившие… Опять плохой план. В здоровом обществе надо вкладывать в детей.

Лейси посмотрела на Хьюго и произнесла:

– Теперь перейдем к Макдоувер.

– Про судью я знаю мало, – предупредил Уилтон. – Я высидел весь процесс. Тогда я считал ее слишком молодой и неопытной. Она никак не защищала права моего брата. Ее атакуют апелляциями, но ее приговор удерживается, хотя иногда кажется, что он вот-вот рухнет.

– Вы читаете апелляционные жалобы? – поинтересовался Хьюго.

– Все до одной, мистер Хэтч. Читаю и перечитываю. Моего брата могут казнить за преступления, которых он не совершал. Вникать во все подробности и поддерживать его – наименьшее, что я могу для него сделать. Да и времени у меня хоть от- бавляй.

– У Сона Разко действительно была связь с женой Джуниора? – спросил Хьюго.

– Это очень сомнительно, хотя, как вам известно, в таких делах чего только не бывает… Сон был человеком принципиальным, нравственным, состоял в счастливом браке. Я не верил и не верю, что он связался с моей невесткой.

– Кто же тогда их убил?

– Не знаю. Вскоре после открытия казино мы стали получать наши куски пирога, вернее, началось с маленьких кусочков. Я тогда водил грузовик, в профсоюзе, ясное дело, не состоял, и с моей зарплаты, с зарплаты жены – она была поварихой – и с дивидендов мы наэкономили двадцать пять тысяч. Я отдал эти деньги частному детективу из Пенсаколы – говорят, одному из лучших. Он рылся почти год и ничего не накопал. Адвокат у брата на суде был хуже некуда –

парень-неумеха, совершенно ни в чем не разбирался. Зато апелляции подают ребята хоть куда. Эти уж как роются, пыль столбом, вон сколько лет не унимаются – и тоже ничего. Так что я не могу назвать вам подозреваемого, мистер Хэтч. Хотел бы, но нет, не могу. Моего брата подставили так, что не подкопаешься. Все идет к тому, что штат Флорида в конце концов с ним расправится.

– Вы знаете человека по имени Вонн Дьюбоз? – спросила Лейси.

– Имя слышал, но не встречал.

– Что про него говорят?

Уилтон поболтал кубиками льда в стакане. Вид у него стал вдруг усталым. Лейси пожалела его: трудно представить, каково это – полжизни ждать казни брата, да еще осужденного по ложному обвинению. Наконец Уилтон проговорил:

– Болтали тут одно время всякое… Будто бы все это – дело рук крупного мошенника по фамилии Дьюбоз: и казино, и строительство вокруг, и жилые комплексы, растущие как грибыотсюда до самого побережья. Будто бы ради этого Сона с Эйлин и убили. Но сейчас болтовня стихла, не выдержала напора развлечений, игр, звонкой монеты, джекпотов, водных аттракционов и «счастливых часов», я уж не говорю про соцобеспечение… Какое это имеет значение теперь, когда жизнь так хороша? Есть ли этот человек, действительно ли у него рыльце в пушку – никому нет дела, никому не хочется его тормошить. Если бы он сейчас появился в казино и объявил правду, его бы провозгласили героем. Не будь его, ничего этого не было бы.

– А вы сами как считаете? – задал вопрос Хьюго.

– Мое мнение не имеет значения, мистер Хэтч.

– Предположим, не имеет. Но мне все равно интересно.

– Ну, если вы настаиваете… Да, в строительстве казино участвовала организованная преступность. Те же самые парни, безымянные и безликие, по-прежнему при делах. Они вооружены, они сумели запугать нашего вождя и его

подпевал.

– Как вы думаете, сможем мы найти внутри казино кого-нибудь, кто согласился бы с нами поговорить? – спросила Лейси.

Уилтон усмехнулся и пробормотал:

– Как я погляжу, вы ничего не понимаете… – Он снова погремел кубиками льда и уставился на что-то за дорогой. Лейси и Хьюго ждали, глядя друг на друга. Ждать пришлось долго. Наконец он выдавил: – Мы – племя, народ, раса – не доверяем чужакам. Мы держим язык за зубами. Я сижу тут и болтаю с вами, но на общие темы. Мы никогда никому не раскрываем секретов. Скрытность у нас в крови. Я презираю тех, на другой стороне, но никогда ничего вам про них не расскажу.

– Вдруг какой-нибудь рассерженный работник окажется не таким осторожным? – предположила Лейси. – Такой раскол, столько недоверия! Наверняка найдется хотя бы горстка обозленных на вождя и его камарилью.

– Есть такие, кто ненавидит вождя, но не забывайте, что он получил на последних выборах семьдесят процентов голосов. У него сплоченный внутренний круг. Каждый из них имеет жирный кусок пирога и счастлив до беспамятства. Найти болтуна внутри? Даже не надейтесь. – Уилтон снова умолк. Юристы терпеливо ждали, беря пример с собеседника, который, казалось, мог промолчать до следующего утра. В конце концов он над ними сжалился: – Я бы советовал вам держаться от всего этого подальше. Если судья Макдоувер заодно с мошенниками, значит, ее надежно защищают ребята, любящие пугать и применять насилие. Это индейская земля, мисс Штольц, здесь попросту не действуют правила нормального общества, все то, во что вы верите. Мы сами себе хозяева. У нас свои законы. Ни штат Флорида, ни федеральное правительство не могут вмешиваться в наши дела, особенно в том, что касается казино.

Они простились с Уилтоном спустя час, так и не услышав ничего полезного, кроме предостережений, и вернулись на четырехполосную платную дорогу, построенную округом, чтобы получать от казино хотя бы что-то. Перед въездом в резервацию они остановились у будки и заплатили пять долларов за право ехать

дальше.

– Наверное, это то место, где судья Макдоувер однажды решила остановить движение своим судебным запретом, – заметил Хьюго.

– Ты читал дело? – осведомилась Лейси, набирая скорость.

– В кратком изложении Сейделл. Судья аргументировала тем, что плотное движение представляет угрозу для здоровья населения, и шестеро сотрудников управления шерифа шесть дней блокировали движение. Дело было в две тысячи первом году, десять лет назад.

– Представляешь себе ее разговор с Вонном Дьюбозом?

– Ей повезло, обошлось без пули в лоб.

– Ну, для этого она слишком умна. Не глупее самого Дьюбоза. Они сумели найти общий язык, и судебный запрет был отменен.

Сразу за постом оплаты запестрели щиты, оповещавшие о том, что они въехали на земли таппаколов. На больших указателях было написано «Рэббит Ран», вдали виднелись ряды кондоминиумов и особняков вдоль лужаек для гольфа. До резервации оттуда было рукой подать, и, как говорил Грег Майерс, от поля для гольфа до резервации не больше пяти минут пешком. На карте собственность таппаколов могла соперничать замысловатостью очертаний с выкроенным с целью махинаций округом для выборов в конгресс. Дьюбоз и компания натыкали по ее периметру домов. Кто-то – скорее всего, сам Дьюбоз – выбрал место для казино как можно ближе к своим землям. Все удалось блес- тяще.

Расследователи подкатили к огромному зданию казино, манившему сиянием огромных неоновых панелей всех цветов радуги. По обеим сторонам от казино громоздились отели, спроектированные в одном с ним стиле. С переполненной стоянки автобус-шаттл подвез их к ослепительному входу. Внутри они разделились и битый час слонялись по игровым этажам. Встретившись в четыре часа, юристы сели пить кофе в баре над столами для игры в кости и «очко». Все здесь – неумолкающая музыка, непрерывный лязг игровых автоматов и звон выплевываемых ими монет, рев голосов, сопровождавший выигрыши, возбужденные разговоры за выпивкой – свидетельствовало о непрерывном

переходе из рук в руки крупных денежных сумм.

Глава 9

Комиссию Флориды по игорному бизнесу возглавлял Эдди Нейлор, бывший сенатор штата, с радостью обменявший место законодателя на заманчивую зарплату главы нового агентства в начале 90-х, когда в штате началась эпидемия азартных игр, вместе с которой возникла потребность как-то ее регулировать. Его офис находился в трех кварталах от офиса Лейси, поэтому организовать встречу не составило труда. В отличие от плачевного состояния штаб-квартиры Комиссии по проверке действий судей кабинет Нейлора располагался в современном здании и был хорошо обставлен. Это, а также большое количество сотрудников свидетельствовало о щедром бюджете. Азартные игры добавляли Флориде процветания, гибкие налоговые схемы этому вовсе не мешали, а наоборот, способствовали.

Всего разок взглянув на Лейси, Нейлор решил, что с ней лучше беседовать не из-за баррикады рабочего стола, а за кофейным столиком. Пока несли кофе, она дважды отметила его интерес к ее ногам, унять который не удавалось одергиванием коротковатой юбки. После необходимых вводных фраз Лейси приступила к делу:

– Как вы понимаете, наша структура проверяет жалобы на судей нефедерального уровня в штате. Жалоб набирается много, работы полно. Наши расследования конфиденциальны, прошу учитывать это при сотрудничестве с нами.

– А как же! – отозвался Нейлор. Ничто в нем не вызывало доверия: ни бегающие глазки, ни масляная улыбка, ни плохо сидевший костюм, ни грозившие оторваться от напора пуговицы на белой рубашке. «Свобода расходов» – вот как Лейси обобщила про себя впечатление, производимое собеседником. Его вполне можно было принять за одного из многочисленных в столице штата лоббистов.

Желая произвести впечатление, Нейлор долго перечислял обязанности «своей» комиссии. За всеми заведениями штата, специализировавшимися на азартных играх, наблюдала одна она, а он был в ней царь и бог. Скачки, собачьи бега,

лотереи, игровые автоматы, казино, круизные корабли, даже джай-алай[4 - Модная во Флориде игра в мяч, сходная с гандболом.] – все находилось в его юрисдикции. Задача выглядела колоссальной, но он не жаловался.

– Насколько вам подконтрольны индейские казино? – спросила Лейси.

– Всеми казино во Флориде распоряжаются индейцы. На первом месте семинолы. Честно говоря – хочу быть с вами совершенно откровенным, – в случае индейских казино наш надзор и контроль минимальны. Признанное федеральными властями племя – это государство в государстве с собственными законами. Мы во Флориде вступили со всеми операторами казино в договорные отношения, позволяющие взимать хоть какой-то налог с их доходов. Как он ни мал, это лучше, чем ничего. Сейчас действует девять казино, и у всех дела идут неплохо.

– Вы вправе войти в казино и проверить его бухгалтерию?

Нейлор важно покачал головой:

– Нет, не можем. Каждое казино подает ежеквартальный отчет, где показывает свою выручку и чистую прибыль, что служит основанием для исчисления налога. Как видите, нам приходится полагаться на их честное слово.

– Выходит, казино может заявлять о любых цифрах?

– Таков закон. Вряд ли он изменится.

– Как насчет федеральных налогов?

– Нет, их казино не платят. Договор – способ взять с них хоть что-то в казну штата. Мы со своей стороны строим дороги, предоставляем какие-то услуги вроде медицинских и образовательных. Бывает, они о чем-то просят штат. Но, честно говоря, здесь действует принцип добровольности. Если племя говорит «нет» тому или иному виду налогообложения, то мы бессильны что-либо предпринять. К счастью, они так не поступают.

– Сколько они платят?

– Полпроцента от чистой выручки. В прошлом году это составило сорок миллионов. Средства идут нашей комиссии и в фонд экстренных ситуаций Флориды. Можно поинтересоваться, куда вы кло- ните?

– Разумеется. Поступила исковая жалоба на поведение одного окружного судьи. Там замешан девелопер, сговорившийся с индейским племенем и с его казино. Судья участвует в дележе прибылей.

Нейлор поставил свою кофейную чашку на столик и покачал головой:

– Хотите начистоту, мисс Штольц? Я не очень удивлен. Если казино хочет мошенничать и передавать часть прибылей в чьи-то руки или просто тайно их распределять, то ему почти нельзя помешать. Самая что ни есть коррупционная ситуация. Казалось бы, непритязательные люди – и вдруг на них сваливаются колоссальные доходы. Понятно, жулики и любители «помочь» слетаются на них, как пчелы на мед. Добавьте к этому, что там почти весь оборот происходит наличными. Понимаете, какая это взрывчатая смесь? Мы, комиссия, только руками разводим. Они нам почти не подотчетны.

– Значит, здравствуй, коррупция?

– Я этого не говорил. Я толкую только о потенциале.

– Наблюдение и то отсутствует?

Нейлор повозил полными ногами, обдумывая ответ.

– Полномочиями расследовать любые правонарушения на индейских территориях обладает ФБР. Страшноватая перспектива, вы согласны? Повторяю, мы говорим о простых людях: от одной мысли, что к ним нагрянет ФБР, они без постороннего принуждения строятся в шеренги. К тому же большинство наших казино состоят в договорных отношениях с уважаемыми фирмами, умеющими управлять ка- зино.

– Может ли ФБР предъявить ордер и конфисковать бухгалтерские книги?

– Не уверен. Насколько я знаю, такого еще не бывало. В последние двадцать лет ФБР проявляет мало интереса к индейским делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Закон 1970 г. «О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях». – Здесь и далее примеч. пер.

2

«Отростком», или «ручкой сковороды», называется длинный узкий участок территории штата, расположенный между двумя другими штатами либо между штатом и побережьем. В США такими «отростками» обладают штаты Аляска, Западная Виргиния, Оклахома, Техас и Флорида.

3

Treasure Key – «Ключ к сокровищу» (англ.).

4

Модная во Флориде игра в мяч, сходная с гандболом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhon-grishem/informator

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить